

ГАЛИНА РОМАНОВА

В МИРЕ СИЛЬНЫХ СТРАСТЕЙ

К СЕВЕРУ ОТ ЛЮБВИ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
К северу от любви

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

К северу от любви / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2021 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-116167-5

В городе произошло громкое преступление – убита Светлана, дочь крупного бизнесмена Иванова. Ее тело нашли в городском парке, но рядом не осталось никаких следов. Быстро выяснилось, что накануне гибели Света крупно поссорилась с подругами, и причиной размолвки стал ее новый бойфренд Егор: приятельницы сочли, что этот простой парень не подходит состоятельной девушке. Никого не слушая, Егор и Света планировали побег и совместное путешествие, но допросить парня нет никакой возможности: он бесследно исчез...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116167-5

© Романова Г. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

К северу от любви

Непередаваемое ощущение – слушать шум дождя, лежа в удобной кровати под теплым одеялом. Его меланхоличный шелест или отчаянная дробь по оцинковке подоконника одинаково убаюкивают. Веки слипаются, тело становится невесомым, беспечные мысли мягко волочут сознание в сон.

Совсем иначе, когда тяжелые капли бьют в макушку, ты стоишь посреди густых зарослей и каждый шевельнувшийся куст кажется тебе подкравшимся полицейским.

Так не должно было случиться! Никто этого не планировал, и в мыслях не было. А она умерла!

Господи, что делать?! Как поступать в таких ситуациях, когда у твоих ног лежит труп, которого не могло, не должно было быть! А он есть!

Никаких помощников в Гугле! Ни одной памятки! Да и глупо было бы соваться в интернет с подобным вопросом. Могут вычислить, если выйдут на след.

Почему она так орала? Что не так? Что вообще ей было нужно? Почему она оказалась в это время в этом месте? Ждала? Следила? Скорее всего. Но зачем?! Что бы это ей дало?

Дура! Чертова дура! Истеричная, взбалмошная, зарвавшаяся!

– Что нам делать? – Слабый голос за спиной заставил вздрогнуть. – Что нам делать?!

– Знать бы!

– Но что нам делать?! – Голос стал крепче, их могли услышать.

– Не ори.

Это была просто просьба, вызвавшая неожиданную реакцию: за спиной послышался стон и звук оседающего на землю тела. Еще не хватало! Приводить кого-то в чувство в паре метров от трупика еще больше не входило в планы.

– Яма... – наконец-то хоть что-то стрельнуло в голову. – Нам нужна яма. Нам нужно ее закопать.

– Чем? Чем копать яму? У нас ничего нет.

– Палки. Нам нужны какие-нибудь крепкие палки. Снимем дерн. А там земля мягкая. Станем рыть руками...

Сказать всегда легче, чем сделать. Палки без конца ломались, и их приходилось искать снова и снова, пока верхний слой дерна размером метр на метр не был снят.

– Не разбрасывай. Потом сверху положим как ни в чем не бывало.

Как ни в чем не бывало никогда уже не будет, подумали они одновременно. До конца жизни будут стучаться в мозг воспоминания о грязных руках с землей, забившейся под ногти. О сбитых костяшках пальцев, о судорожном дыхании и слезах, размазанных по лицу.

Это никуда не исчезнет. Никогда!

– Господи... Сколько времени прошло. Уже светает, – запыхавшийся голос еле звучал.

Силы у них иссякли.

– Кажется, все. – Они уложили последний пласт дерна, вместе потоптались сверху. – Надо уходить. Скоро выйдут собачники и спортсмены на пробежку.

Каждому стрельнула в голову мысль, что рано или поздно эту могилу найдут. Она слишком мелкая. Слишком заметная. Но никто ее не озвучил. У них все равно не было выбора.

Пусть будет как будет...

Глава 1

По небу плыла огромная сахарная голова – с острыми краями, ноздреватая. Ветер крутил ее, разворачивал, отщипывал от нее куски и разбрасывал по голубому небесному полю.

Егор никогда не видел сахарных голов. В магазине он покупал рафинад или сахар-песок, предпочтение отдавал последнему. От деда много слышал о существовании кускового сахара. Было это когда-то давным-давно. Именно тогда существовали и специальные щипчики, которыми сахарная голова дробилась на мелкие куски. Дед много рассказывал об этом. Он любителем был повспоминать. Дед вспоминал, а Егор представлял. И сейчас, глядя на плотно сбитое крупное облако, он думал, что сахарная голова должна была выглядеть именно так.

– Чушь бормочешь, – сонно отозвалась Ася, приоткрывая глаза. – Скорее глыба снега. Или льда. При чем тут сахар?

– Ни при чем.

– Вот и я говорю, что ни при чем. Огромный ком снега напоминает твое облако. И никакого сахара!

Егор перевернулся со спины на живот. Поерзал, принимая удобное положение на узком полосатом полотенце. Покосился на подругу.

– Ты напрочь лишена воображения, Аська. Ты очень прямолинейная и рациональная. В тебе нет ни грамма...

Он поискал подходящее необидное слово, не нашел и заткнулся. Ася угадала невысказанное, хотела обидеться, но потом передумала. Зачем? Хороший день – теплый, солнечный. Они выбрались на реку, загорают. Уже дважды искупались. Съели по бутерброду с сыром, выпили по маленькой бутылочке воды. Если ветер не разгуляется, еще выкупаются и позагорают. К пяти вечера вернуться в город. Разъедутся по домам. Займутся своими делами. Какая ей разница, что привиделось Егору? Зачем портить день глупым выяснением?

Ни к чему все это. Неумно.

И все же она не выдержала.

– Зато ты у нас романтик и фантазер, каких поискать! – фыркнула Ася и перевернулась с живота на спину.

– Не вижу в этом ничего дурного, – огрызнулся Егор и почему-то принялся оправдываться: – Да, у меня богатое воображение. Но это ведь никому не мешает, Аська. А в школе тебе лично это было даже на руку.

– Это ты о чем? – еле шевельнула она губами, уже жалея, что продолжила разговор.

Ей хотелось просто лежать, слушать, как накатывают мелкие волны на берег, и ни о чем вообще не думать. Тем более не хотелось ни о чем вспоминать. Она этого категорически не любила. Какой прок в воспоминаниях? От них либо досада гложет, если вспоминается что-то дурное, либо начинает щемить душу по давно ушедшим хорошим временам. И зачем тогда ворошить?

– Это я о том, что всегда писал за тебя сочинения, а ты получала за них пятерки, – упрекнул ее лучший друг.

– Молодец, – отозвалась она со вздохом и плотно сжала губы, решив больше не разговаривать.

Молчание затянулось минут на двадцать. Волны плескались. Ветер с шумом ерошил мелкие ветки странного кустарника, больше похожего на сорняк, чем на живую изгородь. Неподалеку переговаривались другие отдыхающие, а они молчали.

– Хорошо, – первой не выдержала она. – Ты и правда молодец, Егорушка. Можешь придумать красиво и интересно. И пятерки я получала за сочинения, которые писал за меня ты.

– Вот! – Он поднял правую руку с оттопыренным указательным пальцем. – Я талантлив, признай это. Талантлив во многом. Признай!

– Признаю. – Она закатила глаза и едва заметно качнула головой.

Егор очень любил хвастаться талантами. Только применения им он пока не нашел. И старался не замечать, как это ему мешает. Ему давно бы уже пора было определиться с выбором и двигаться куда-нибудь. А он топтался на месте. Не пошел учиться после школы, потому что не знал куда. Работал много, но часто менял места. Пара месяцев тут, две недели там. Иногда ему и двух дней хватало, чтобы понять – это не его.

Ася такого распыления не понимала в принципе. Но с советами не лезла. Толку-то!

– И я совсем не фантазер по жизни. И преувеличение мне несвойственно. И тот мужик, которого мы с тобой вчера вечером встретили на пробежке...

– Не начинай! – Ася заворочалась. – Егор, это уже переходит все границы. Нельзя в каждом встречном видеть преступника. Убийцу!

– Я и не вижу. Просто его лицо показалось мне очень похожим.

– На кого? На дядю, который кого-то когда-то убил? И чье лицо не сходило со страниц таблоидов десять лет назад? Тебе сколько тогда было, Егор? Хочешь сказать, ты его запомнил?

– Да, – не совсем уверенно отозвался тот.

– Не носи бред!

Ася резко села, дотянулась до своего рюкзака, порылась в нем, достала вторую бутылочку воды. Открыла крышку и начала пить мелкими глотками.

Если честно, то их детская дружба, которая, как она надеялась, перерастет с возрастом во что-то серьезное и глубокое, так ею и осталась и постепенно начала ее напрягать.

Егор то ли чего-то не догонял, то ли умело косил под дурака. Мог, как в десять лет, поднять тему своих симпатий, в число которых она не входила. Мог начать критиковать ее внешние данные, не понимая, что теперь это совсем неуместно – им не по восемь лет. Мог и вовсе начать переодевать при ней мокрые плавки. Совершенно не стесняясь и не отворачиваясь. Делать ему замечания? Смысла не было. Он округлит свои распрекрасные карие очи и спросит:

– Аська, ты дура? Мы же с тобой как сиамские близнецы!

Себя она его близнецом не считала. Как в пятнадцать лет влюбилась в него, так с тех пор и любила, и тайну эту хранила в душе. Любовь ее была крепкой-крепкой, верной-верной, но совершенно бесперспективной. Егор ее как женщину не воспринимал совершенно. Она для него была кем угодно: подружкой, сестрой, единомышленницей, но только не красивой взрослой девушкой с возрастающими с каждым годом физиологическими потребностями.

Чертова ситуация! Что с ней делать? Открыться ему? Рассказать все о своих бессонных ночах, редких слезах в подушку, покусанных губах от ревности? Нет. Нельзя. Это может его оттолкнуть. И вряд ли заставит задуматься. И вообще вряд ли поможет Егору взглянуть на нее другими глазами. Она для него друг, не более.

Ей придется самой как-то с этим справляться. Просто необходимо что-то сделать со своей дурацкой любовью. Попыаться от нее как-то избавиться, забыть. Может, следовало принять наконец предложение Виталика Сушила? И сходить с ним куда-нибудь?

Виталик был бравым парнем. Высоким, сильным, симпатичным. Он очень давно навязывал себя Асе. Она даже не смогла бы сейчас вспомнить, сколько лет он к ней пристаёт. Первый раз, кажется, это случилось еще до того, как он ушел в армию. Потом когда вернулся. Потом уже после того, как отучился в школе полиции. Вернулся в город после учебы и сразу к ней: с букетом, с тортиком, с коньяком. Мачеха зарделась, отец разволновался. Ася осталась спокойной.

Виталик ей нисколько, ну ни капельки не нравился.

Чаепитие прошло вяло. Она пошла проводить его до двери и попросила больше таких сюрпризов не делать. Он поскущел, молча кивнул, ушел и до недавнего времени не давал о себе знать. До нее докатывались слухи, что он служит в полиции, кажется в ОМОНе. Участвует в силовых операциях. Часто и сильно рискует. Но ее это ничуть не тревожило. Сорванный мозоль на мизинце правой ноги Егора волновал ее куда больше. Туда же могла попасть инфекция! А это чревато последствиями.

Ася покосилась на Егора. Лежа на своем узком полотенце, он смотрел из-под ладони, как она пьет воду, и улыбался.

– Чего скалишься? – Ася подозрительно сощурилась.

– Капли воды стекают по твоему подбородку, шее и тонут в лифчике, – промурлыкал он.

Она опустила взгляд. Действительно, несколько капель соскользнули в ложбинку между грудей. Она даже не заметила. А Егор рассмотрел. Значит ли это, что он...

– И что?

Ася заметно разволновалась. Ей показалось, что в его взгляде присутствует какой-то новый странный интерес.

– Ничего. – Он уронил руку на полотенце и закрыл глаза. – Была бы твоя грудь меньших размеров, это выглядело бы сексуально.

– То есть ты хочешь сказать, что у меня слишком большая грудь? – вытаращилась Ася.

– По мне, так огромная, – его губы брезгливо выгнулись.

Ее аккуратный второй – огромный? С ума можно сойти с этим парнем!

– А какая грудь тебе нравится? – зачем-то спросила она, хотя была почти уверена в ответе.

– Очень-очень маленькая. – Он мечтательно улыбнулся, приоткрыл глаза, поерзал взглядом по отдыхающим. – Вон видишь юную девушку в купальнике лимонного цвета?

Ася глянула на группу девушек, слишком громко разговаривающих и вызывающе смеющихся. Девушка в купальнике лимонного цвета была очень худой. До измождения! И груди, к слову, у нее не было вовсе. Что он сумел рассмотреть в трикотажных рюшах лимонного цвета, да еще с такого расстояния?

– Она ребенок, Егор, – одернула его Ася. – Это отдает извращением, не находишь?

– Она очень стройная, изящная, как хрустальная струна, – возразил он тихо. – Вот такие девушки мне нравятся. Очень нравятся! А ты... В тебе слишком много плоти. Слишком! Грудь, бедра, зад... Бэ-э, Аська, не пора бы сбросить килограммов десять?

При росте метр семьдесят два она весила всего лишь пятьдесят пять килограммов! У нее не было лишнего веса! Ей нечего сбрасывать! Она идеально сложена. Идеально! И если этому чудаку нравятся совсем юные анорексички, то пусть катится!

Ася резко встала. Схватила с земли полотенце, стряхнула его. На гладкий мускулистый живот Егора упало несколько травинок. Он недовольно поморщился, смахнул их ладонью, но не сказал ни слова. Ее полотенце комком полетело в рюкзак. Ася надела шорты, футболку. Перетянула заново хвост. Шагнула от места, где распластал свое совершенное тело Егор.

– Хорошо, – неожиданно произнес он. – Пусть не сахарная голова. Согласен, не очень похоже. Но точно не снег. Скорее это комок сахарной ваты, которую мы любим с тобой рвать зубами на прогулках. И я бы угостил эту славную малышку, глянь она в мою сторону благосклонно. Да, точно, сахарная вата...

– Будь здоров, – буркнула она, все еще надеясь, что он ее задержит.

– Пока, пока, – произнес он сонно. – Не пропадай, дружище. Звони.

Ася мысленно послала его к черту и пошла к выходу с пляжа.

Глава 2

Этот новый знакомый ее волновал, да. Он удивительный, совершенно непохожий на остальных. В нем не было заурядности. Он непредсказуем. Каждый следующий час с ним отличался от предыдущего. Общаться с ним – как смотреть увлекательный сериал с неизвестным финалом. И это ей очень, очень нравилось. А еще то, что ее новый знакомый до недавнего времени не знал, чья она дочь. Поэтому подозревать его в корыстных планах при знакомстве было глупо.

– Детка, ты, часом, не влюбилась? – спросил ее за завтраком папа. – Выглядишь как-то странно.

– Я? – Она притворно фыркнула и покачала головой. – Нет, конечно. В кого, па? Кругом одни уроды!

– Так уж прямо...

Ее фыркание его не убедило, и он принялся дотошно расспрашивать: где она была вчера, с кем, о чем они разговаривали, над чем смеялись.

– Пап, ты серьезно полагаешь, что я могу вспомнить?

– А ты не помнишь? – не поверил отец.

– Ну, помню что-то. Но это тебе будет совсем неинтересно.

– А вдруг? – Отец улыбнулся, взял стакан со свежим соком из моркови и яблока. – Ты попробуй рассказать.

– Ну хорошо. – Света намотала на кончик пальца тонкую прядку волос. – Ирке загубили татуаж бровей. Пошла на коррекцию, а ей сделали такое! Она в шоке! У Валечки проблемы с ботоксом. Нижняя губа...

– Все, все, хватит, – рассмеялся папа и, поставив стакан с соком на стол, замахал на нее руками. – Такие подробности мне не нужны. Seriously, Света? Вы все это обсуждаете? С интересом?

– Папочка, ну мы же девочки. – Света наморщила лоб, покачала головой. – Неужели нам надо обсуждать преимущество эксплуатации дизельного двигателя?

Она посмотрела на него с недоумением и со вздохом повторила:

– Мы же девочки.

– Сдаюсь, сдаюсь. – Он поднял вверх руки. – А парни? Они в вашей компании имеются? И что обсуждают?

– Парни, парни. – Света опустила глаза в тарелку, где стыла каша. – Парни в нашей компании отсутствуют, папа. У меня сейчас нет никого. Ира рассталась со своим бойфрендом. Валечка в поиске. Трое нас – одиноких девчонок.

– Понятно, – не без удовлетворения ответил отец. – Вчера на городском пляже были? Мой водитель сказал, что забирал вас оттуда.

– Да, мы были там. – Света напряглась. – А что, с этим какие-то проблемы, па?

– Да нет, никаких проблем. Просто зачем там загорать и купаться в воде сомнительной чистоты? У нас же свой бассейн под окнами. Большой.

– Социум, папа. Общение с разными людьми, в том числе не принадлежащими нашему кругу. Это может быть интересно, знаешь. Познавательное. – И голосом чуть жестче она повторила вопрос: – Какие-то проблемы, па?

– Нет, все в порядке. Просто будь осторожнее. Люди разные.

– Я знаю, па. – Света зацепила кончиком ложки немного каши, отправила в рот и пробубнила неразборчиво: – Мне восемнадцать, если ты не забыл.

– Не побоюсь напомнить, что твоей матери было почти тридцать, когда она... Когда она... – Он на мгновение прикрыл глаза, тяжело вздохнул и нехотя закончил фразу: – Когда

она доверилась не тому человеку и погибла. Она была умницей, Света! Интеллигентнейшим человеком. Знала три языка. Ее деловой хватке мог бы любой мужик позавидовать. А вот в людях... В людях она, оказывается, не разбиралась! Совершенно! И это стоило ей жизни.

Света с грохотом уронила ложку на тарелку. В глазах потемнело. Далекий день, окрашенный черным, всплыл в памяти и мгновенно сделал ее несчастной.

– Зачем, папа? Зачем ты так?

– Затем, что я день и ночь боюсь за тебя. Твоя безопасность для меня в приоритете, Светлана. Я не уберег твою мать от гибели. Поэтому...

– Решил превратить мою жизнь в кошмар? – перебила его Света звенящим от обиды голосом.

Ее кулаки сжались, она принялась постукивать ими по столу.

– Ты не даешь мне жить, дышать, радоваться! Ты с детства окружил меня охраной. Хвала небесам, что сейчас у тебя хватает ума не пускать по моему следу хвост! Это же... Это невыносимо, папа! – Она резко встала, едва не опрокинув стул. – Спасибо за завтрак.

Ее шаги стихли на втором этаже за громко хлопнувшей дверью в комнату. Только тогда он потянулся к телефону.

– Ты мне нужен, – произнес он короткую фразу, когда ему ответили.

– Как скоро?

– Еще вчера! – фыркнул он.

– Что-то случилось? Что-то срочное?

– Много вопросов. Почему?

Он закатил глаза, с силой сжал челюсти. Его влияние на друга с некоторых пор постепенно сходило на нет. Как и когда он утратил силу своего авторитета?

– Меня нет в городе, Андрей, – с легкой досадой ответил его друг. – Я за полторы тысячи верст. Что-то действительно срочное?

– Светлана...

– Что с ней?! – с ужасом оборвал его Игорь.

– Нет, тьфу-тьфу-тьфу. Но мне кажется, у нее кто-то появился.

– Андрей, ты сумасшедший, – с легким смешком отозвался Игорь. – Девчонке восемнадцать. Это нормально.

– Согласен. Ненормально то, что она пытается скрыть от меня это. Почему? Что с ним не так? Глаза-то горят. Я вижу, что увлечена. А не признается. Согласись, странно.

– Не соглашусь, конечно. Но ты отец, тебе видней. Завтра буду. Может, пока ноги за ней поставишь?

– Нет. Я обещал. Я сделал ей подарок ко дню совершеннолетия – убрал всех охранников, и явных, и тайных. Ты забыл, как она всех вычисляла? Всех, кроме тебя, Игорь. Ты мне нужен здесь...

Света лежала на кровати и таращилась в потолок. Глаза были сухими. Душа также не надрывалась в рыданиях. Это все в прошлом. Десять лет назад, когда горе набросилось на нее – восьмилетнюю веселую девочку – и изломало ей жизнь, было худо. Она плакала день и ночь. Ее успокаивали только лекарственные препараты. Годы растворили боль. Воспоминаний оставалось все меньше, они стирались. Это ее иногда пугало, иногда радовало. Надо жить дальше, так?

Единственное, с чем она так и не смогла справиться – с меркнущим светом при упоминании о матери. В тот момент, когда отец говорил о ее гибели, сердце совершало резкий скачок и мгновенно делалось темно. Щелк – и краски жизни исчезали. Щелк – и в памяти всплывали черно-белые страшные картинки, транслирующие ее личную трагедию.

Света с силой зажмурилась, положила ладони на глаза, придавила. Пора избавляться от прошлого. Пора забыть. Совершенно забыть о том времени, когда она была страшно несчастна

и одинока. Все у нее теперь пойдет по-другому. У нее появился ОН. Такого другого просто больше не существовало. Интересный собеседник – раз. Красивый как бог – два. Загадочный – три. Внимательный – четыре. Наверняка список его достоинств пополнится еще пунктами и пять, и шесть, и семь. Главное – не спешить. Узнать его получше.

И та девушка, что была с ним, кто она? Он сказал, что подруга, но так ли это? Разве можно просто дружить с такой красоткой и не желать ее?

– Это бред, – округлила глаза Ира, провожая взглядом проходившую мимо них девушку. – С такими данными быть просто подругой грешно, Светик. Что-то тут не так. На твоём месте я бы...

Света сразу выключила слух. Советы Иры были бесполезны, смешны и совершенно не подтверждались ее личным опытом. Отношения Иры с парнями могли бы служить примером, как не должно быть.

Валечка была чуть разборчивее, но столь же невезучая. Кто-то ее постоянно обманывал, ей изменяли, кидали на деньги.

Кого из них она могла послушать? Никого. И папочку она слушать тоже не станет. Он также не был для нее примером. После смерти мамы у него не случилось ни одного более-менее стоящего романа. И это при том, что Света никогда не была против его отношений с кем-то достойным.

– Их нет, детка, – тяжело вздохнул отец, оставаясь дома в праздники и выходные. – Их просто нет. После твоей мамы... Не могу... Я все время сравниваю.

И кто мог ее научить? Оставался, правда, еще Игорь – друг отца. Хороший дядька, мудрый, спокойный. Он всегда был рядом. На него всегда можно рассчитывать. Но он с советами к ней никогда не лез. Она их и не спрашивала.

Света прислушалась: отец с кем-то говорил по телефону. Разобрать было сложно, о чем он говорит. Но Света догадывалась, что тот сейчас звонит Игорю и просит его помочь понаблюдать за дочкой. Света со вздохом слезла с кровати, подошла к двери и осторожно ее открыла. Она поймала последнюю фразу отца и усмехнулась.

Ничего у папочки не выйдет, Игоря в городе нет. Он в каких-то заповедных местах на отдыхе. Звонил ей вчера вечером, рассказывал о рыбе, которую случайно поймал, и о злющих комарах. Даже если он выедет сегодня, то доберется до них не раньше завтрашнего утра. А за это время она успеет сбежать. Ненадолго, конечно. Всего на неделю. Но успеет. Игорь ее не достанет.

Отцу она оставит записку, все объяснит, попросит не волноваться и не сходить с ума. Может, быть, даже назовет имя своего парня, с которым решила на бегство. Или нет, лучше не надо. Отец быстро вычислит ее избранника по банковским картам, пустит по их следу своих людей и уже через пару дней вернет ее домой. Станет ныть и стыдить. Много говорить о доверии, которое она предала. И плевать, что ей восемнадцать. Ее отцом он останется до конца своих дней. Она не имела права так поступать с ним. Он же волнуется!

Все это предсказуемо. Поэтому будет достаточно просто записки, без уточнения места отдыха и действующих лиц.

Света улыбнулась, прикрыла дверь и шагнула к шкафу. Там, на самом дне, уже три дня стоял собранным ее дорожный рюкзак. Деньги она загодя сняла с банковской карты. Телефон поначалу не собиралась брать, потом передумала. Выключит. Она его просто выключит. Если надобность возникнет, включит. Отцу оставит записку. И может быть – не точно, еще не решила, – она позвонит ему с вокзала.

Глава 3

Мужчина, усевшийся за соседним столиком, неожиданно показался ей знакомым. Ниночка тут же занервничала. Опустила руки на колени. Принялась перебирать пальцами край скатерти. Это была вынужденная мера. Если бы руки остались на столе, стало бы заметно, как они дрожат. Это плохо. Психолог посоветовал ей не обнажать своих тайных страхов на людях. Так ей будет проще адаптироваться в социуме. Иначе никак! Она утратит всякую связь с реальностью. У нее не будет работы, друзей, родственники отвернутся. Кто захочет иметь дело с сумасшедшей!

Нет, этих слов психолог ей не говорил. Это она уже сама прочла в его глазах невысказанное. И молча кивнула. Согласна! Она была с ним целиком и полностью согласна: с дураками, свихнувшимися на собственных страхах, никаких дел никто иметь не захочет.

– Вам надо стараться, Нина, – мягким красивым голосом упрашивал ее крепкий симпатичный мужчина. – Вам надо научиться с этим справляться. Вы сильная, вы сможете.

Симпатичный психолог с телосложением борца говорил по большей части бесполезные вещи. Нина об этом могла бы прочитать в интернете. И это не стоило бы ей полторы тысячи за час. Но!..

Но тогда бы она была лишена приятного общения. Психолог стал единственным мужчиной за минувшие десять лет, смотревшим с такой добротой и сочувствием, говорившим с ней мягко и вежливо. Ей даже порой казалось, что, пожелай он нарушить врачебную этику и потащить ее в постель, она бы не отказалась.

Невзирая на все ее тайные страхи.

– Что будете заказывать? – Возле нее остановился официант, на минуту загородив собой странного мужчину за соседним столиком. – Как обычно?

Она вскинула голову, поймала внимательный взгляд серых глаз парня, улыбнулась. Приятно, когда тебя узнают как постоянного посетителя, помнят о твоих вкусах.

– Да, блинчики с малиной, как всегда. И чайник чая. Спасибо.

– Ожидайте...

Официант исчез. А мужчина за соседним столиком нет. Он по-прежнему сидел там, ворошил овощи в салате ножом и вилкой и не сводил с нее странного взгляда.

Что ему от нее нужно? Чего он уставился? Может, в ней что-то кажется ему уродливым или смешным? Это вряд ли. Она выглядит гораздо моложе своих сорока и привлекательнее сверстниц. Она красиво одета. У нее безупречная прическа, макияж, маникюр. Смеяться не над чем. А все ее внутреннее уродство незаметно чужому глазу, оно доступно только ей.

Неожиданно посетила мысль, что этот мужчина может оказаться хорошим другом ее психолога и тот мог под бокал поделиться врачебной тайной. И теперь...

Нет! Это невозможно. Ее психолог имеет безупречную репутацию. Как сказала ее знакомая, рекомендуя его, он скорее руку даст на отсечение, чем выболтает чужие секреты.

Нет. Тут что-то другое. Этот мужчина, показавшийся ей знакомым, смотрел на нее по каким-то другим причинам. Она могла ему просто понравиться. Почему нет? Она прекрасна сейчас в легком белоснежном сарафанчике с тонкой ниткой жемчуга на шее. Загар, над которым она вторую неделю трудилась на пляже, методично переворачиваясь каждые пятнадцать минут на жестком лежаке, превосходно оттенялся белым льном ее одежд. Плетеные сандалии, аккуратные ногти.

Да, она ему просто понравилась, вот он и глазеет. И нечего выдумывать, бояться. А его лицо кажется знакомым просто потому, что он мог загорать неподалеку.

Хотя нет. Непохоже, чтобы он бывал на солнце. Мужчина был очень бледен. До синевы. Даже странно. Может, он болен? И ему нельзя загорать?

Силуэт официанта, прибывшего с заказом к ее столику, снова загородил от нее бледнокожего мужчину.

– Ваш заказ, – тихо произнес парень.

Поставил чайник чая. Сахарницу. Чашку с блюдцем нежного кремового цвета. Широкую тарелку с блинчиками, обильно политыми малиновым джемом. Ниночка сглотнула. Ей очень хотелось вкусно и сладко покушать.

– Приятного аппетита, – пожелал ей официант и исчез.

Она подняла взгляд. Бледный мужчина со странным горящим взглядом никуда не делся. Он сидел все там же. Салат был съеден. Настала очередь котлет. Он заказал их целых три штуки. Без гарнира. Нацепил на вилку первую и ел прямо с нее.

Ниночка внутренне поморщилась. Так некрасиво. Особенно в этом уютном дорогом местечке, которое Ниночка облюбовала лет пять назад. Накрахмаленные скатерти, прохлада, мягкие стулья с высокими спинками, обтянутыми бархатом, красивая посуда. И...

И, простите, котлета на вилке!

У входа в кафе раздался громкий смех – вошли три девушки и парень. Мужчина с котлетой резко перевел взгляд на молодых людей и сделался еще бледнее. Если бы Ниночку попросили описать его эмоции в ту минуту, она бы, не сомневаясь, сказала, что мужчина обомлел. Он застыл, даже моргать, кажется, перестал. Дышал ли?

Ей сделалось интересно.

Молодые люди выбрали столик у распахнутого настежь окна, на котором от легкого ветра трепетала тонкая, почти невидимая занавеска. Парень помог девушкам усесться. Через минуту они сделали заказ.

Они заказали гору еды. Проголодались, сделала вывод Ниночка. Чего нельзя было сказать о мужчине с бледными ввалившимися щеками. Его аппетит с появлением парня и девушек неожиданно пропал. Недоеденная котлета улеглась на тарелку. Мужчина позвал официанта, попросил контейнер. Сложил в него то, что оставалось в тарелках: котлеты, сыр, ветчина. Отказался от кофе, расплатился и почти сразу ушел.

Надо же... Что его так расстроило?

Ниночка проводила взглядом худого мужчину – он как раз проходил под окнами кафе в сторону парковки – и постаралась о нем забыть. В тарелке стыли блинчики под малиновым джемом, в чайнике заварился чай. Надо было получить удовольствие от еды, которую она любила. И забыть, забыть, забыть о тревоге, разбуженной странным взглядом незнакомца...

В чашке оставалось чуть больше половины, а на тарелке последний кусочек блинчика, когда она позвала официанта. С сожалением посмотрела на малиновый джем и последний недоеденный кусочек на тарелке. Этого бы как раз ей хватило, чтобы ощутить себя сытой. Но чертовы условности! Почему-то считалось, что абсолютно чистая тарелка – это дурной тон.

– Спасибо, – тепло улыбнулся ей парень, принимая чаевые. – Приходите еще.

– Непременно, – она улыбнулась в ответ.

Легко поднялась, подхватила с соседнего стула свою пляжную сумку и пошла к выходу. Она проходила мимо молодежи, устроившейся у распахнутого окна с играющей на ветру занавеской. Они вели себя шумно, беззаботно. Ниночка даже им немного позавидовала. Особенно худенькой девчонке, сидевшей рядом с парнем. Они точно были парой. Он собственнически обнимал девушку за тонюсенькую талию, без конца прикладывая губами к ее обнаженному плечу. Девушка ему явно нравилась, его глаза светились искренним счастьем. Хотя он мог бы выбрать себе девушку и поинтереснее. К примеру, ту, что сидела возле окна. Проходя, Ниночка слышала, что она отзывается на имя Валечка.

Валечка была бы лучшей парой этому парню с мягким взглядом крупных карих глаз и ладной фигурой. Они очень подошли бы друг другу. Их союз был бы гармоничнее, чем с той, которую он обнимал: худая, бледная, на скулах прыщики.

Ниночка вздохнула с непонятной печалью и вышла из кафе под палящее июльское солнце. Она проходила мимо распахнутых окон, когда услышала, как Валечка воскликнула:

– Егор, ты сумасшедший! Ее отец тебя четвертует!..

Уже через час она забыла обо всем: и о мужчине со странным, горящим взглядом, и о молодежи. Она научилась по совету своего психолога выбрасывать из памяти все, что могло ее взволновать, досадить, вызвать бессонницу. Вернувшись домой, она приняла душ, немного подремала. Встав с постели, отправилась на кухню, где приготовила себе ужин. Оставив его на плите, решила прогуляться до ближайшего супермаркета.

Необходимости, конечно же, в покупках не было, холодильник заполнен под завязку. На улице уже смеркалось: не лучшее время для прогулок. Тем более что когда-то давно такая вот вечерняя вылазка едва не стоила ей жизни. Но!..

Психолог советовал ей избавляться и от этих страхов тоже. Он уверял, что, если она будет держаться освещенной стороны улицы, избегать темных переулков и густо заросших скверов и парков, с ней ничего-ничего и никогда больше не случится. Дорога до супермаркета была освещенной. Переулков, скверов, парков по пути не наблюдалось. Народу тут всегда было много. И она рискнула.

Ниночка шла медленно. Нарочито медленно. Пару раз останавливалась, читала объявления, приклеенные на стендах. И очень осторожно, чтобы не вызвать ничье подозрение, оглядывалась и внимательно осматривала улицу. Никого подозрительного, способного напасть на нее, не было видно. И мужчины, давеча показавшегося ей знакомым, тоже.

И с чего ей показалось, что она его прежде видела? Что в нем насторожило? Лихорадочно мерцавшие глаза? Неестественная бледность? Так, может, он болен. Тяжело болен. Поэтому и загар к нему не пристает. Или недавно вернулся...

Мысль, которая неожиданно так логично объяснила бледность странного незнакомца, заставила ее задохнуться. Ниночка еле добрела до угла супермаркета и привалилась спиной к шершавому бетону фундамента. Ноги отказывались передвигаться дальше. Перед глазами плыли радужные круги.

Как же она?! Почему так беспечно?! Он же точно только что вернулся из мест лишения свободы. Поэтому и худой такой, и бледный до синевы. Он отсидел срок – это же очевидно! И на нее таранился не без причины. Поэтому и лицо его показалось ей знакомым.

– Это он! – прошептала она сдавленно и принялась повторять довольно громко, без конца ударяясь головой о стену. – Это он! Это он! Это он!

– Девушка, с вами все в порядке?

Кто-то встал перед ней, заслонив свет фонаря. Широкоплечая фигура, высокая, крепкая. На странного человека из кафе совершенно не похожа. И она решилась.

– Понимаете, он освободился из мест лишения свободы, – затараторила она, проглатывая гласные. – И теперь преследует меня! Это он! Я в этом абсолютно уверена!

– Да вы успокойтесь, – мягким голосом, так похожим на голос ее психолога, проговорил широкоплечий человек. – Здесь, кроме меня и вас, никого нет.

– Он может быть рядом! Он может прятаться в любой тени! Он так уже делал однажды. Много лет назад!

Она стала говорить чуть разборчивее. Сердцебиение выровнялось, зрение вернулось, и она сумела рассмотреть в деталях внешность молодого мужчины, который не прошел мимо ее беды. И даже сделала вывод спустя минуту, что он чертовски хорош собой.

– На вас напали много лет назад? Я правильно понял? – Он протянул ей обе руки.

– Да. – Она сумела отлепить спину от стены, шагнуть вперед и вцепиться в протянутые руки. – Да! Десять лет назад этот человек напал на меня. Он пытался меня убить! Сначала он убил одну женщину, потом напал на меня. Ему помешали! Он не сумел. Его осудили на десять лет. И сегодня... Сегодня я встретила с ним в кафе.

– Гм-м... – Мужчина встал к ней боком и согнул руку в локте. – Может быть, я вас провожу? Вам далеко до дома?

– Нет, нет, мой дом совсем рядом. Но я...

Ниночка беспомощно оглянулась на ярко освещенные двери супермаркета. Там светло, много покупателей, безопасно и надежно.

– Я собиралась сделать покупки.

– Хорошо, идемте за покупками. – Он поймал ее ладошку и пристроил на своем запястье. – Идемте. Я вас сопровожу.

Они сделали всего лишь пару шагов, когда Ниночка запротестовала.

– Нет! Нам не стоит туда идти, – отчаянно замотала она головой.

– Почему? – Он остановился, заглянул ей в глаза. – Вы по-прежнему боитесь? Или нет необходимости в посещении магазина?

– Скорее второе, – она выдавила жалкую улыбку. – Мой психолог рекомендовал делать вечерние вылазки, чтобы постепенно вытеснять все прошлые страхи. И я... Я пошла в супермаркет без особой нужды.

– Вот и отлично. – Он задрал подбородок к небу. – Посмотрите, какое звездное небо. Луна! Может быть, мы просто погуляем? А потом я провожу вас до дома? Что скажете? Да или нет?

Ниночка окончательно потерялась. Она не должна была, не имела права довериться первому встречному. Это таило в себе опасность! А с другой стороны, когда еще может представиться подобный случай? Когда еще мужчина предложит довериться ему? Когда еще она будет способна мужчину просто выслушать, а не бежать сломя голову прочь?

Когда-то надо начинать жить! Десять лет прошло.

– Скорее – да, чем нет. – Ее потная ладошка впиалась в предложенную им руку. – Погуляем.

Глава 4

Данила сидел в собственной машине перед ее подъездом и отчаянно потел. Можно было, конечно, завести двигатель и включить кондиционер, а не мокнуть в новой рубашке перед важным свиданием. Но он забыл заправиться, и бензина у него сейчас хватит только докатить до ближайшей заправки.

Еще можно было просто выйти из машины и постоять на воздухе, но он накалился до плюс тридцати пяти, и помочь это ему не смогло бы. А к мокрой на спине и под мышками рубашке добавились бы взмокшие на поясе брюки.

«Дебил», – обругал он себя.

Ничего не смог предусмотреть. Как всегда! А все потому, что торопился. Надо было забежать в магазин за новой рубашкой, имеющиеся в гардеробе не годились для такого ответственного мероприятия. Потом за букетом. Быстро принять душ, переодеться и к ней. А на то, что лампочка на панели загорелась еще до поездки в магазин, не обратил внимания.

Подъездная дверь, возле которой раскалялась на солнце его машина, распахнулась, и девушка его мечты вышла на ступеньки. В пересохшем горле сделалось почти больно от спазма. Он очень волновался. Непривычное ощущение.

Вытянув руку, он подхватил с соседнего сиденья букет и выбрался из машины.

– Привет, – произнес он севшим голосом. – Прекрасно выглядишь!

– Спасибо. – Ее взгляд ровным счетом ничего не выражал, когда она добавила: – Обычно. Как всегда.

– Это тебе. – Он протянул ей немного подуставший букет.

– Спасибо. – Она взяла цветы, слегка поморщилась. – Но зачем? Они же завянут, пока мы с тобой будем ехать. Жалко.

– Ничего страшного.

Он был озадачен – не ожидал такой реакции. Обычно девушкам нравились букеты и такими вопросами они не заморачивались. Клади цветы на заднее сиденье или какое-то время держали в руках, а потом уже бросали. Это когда цветы мешали им целоваться.

– Как же не страшно! – возмутилась девушка его мечты. – Они завянут, и мы их выбросим. Давай поступим так: я вернусь домой и поставлю их в воду. А ты еще немного подожди. Хорошо?

– Хорошо. – Он кисло улыбнулся. – Я буду ждать...

Она вернулась быстро. Села рядом с ним в машину, слабо охнула от духоты в салоне. Покосилась на выключенный кондиционер, но ничего не сказала. Тактичная.

– Ну что, поехали? – Данила повернул ключ в замке зажигания и предупредил: – Сейчас только до заправки доедем.

– Угу, – качнула она головой и добавила, глядя в окно пассажирской двери: – Заправиться забыл, потому и кондей не включаешь. Непредусмотрительно, Данила. Очень непредусмотрительно, если учесть, что путешествовать нам предстоит долго. Погоди, дай угадаю!

Она резко повернулась, глянула так, словно поймала его на месте преступления.

– Ты хотел, чтобы я заплатила за бензин?

– Ты дура, что ли, Ася! – возмутился он и тут же, покраснев, пробормотал: – Извини.

– Нормально. – Она хмыкнула и снова отвернулась к окну. – Поехали на твою заправку, коп...

Пока он вставлял пистолет в бензобак, шел до кассы и обратно, мысль о том, что он бездарно растрчивает время, его не покидала. Эта странная девушка не сократит расстояние между ними. Никакие букеты тут не помогут. Сушили его предупреждал.

– Зря ты это затеял, Данила, – не переставал тот кривиться в ядовитых ухмылках. – Шансов ноль.

– Чего это? Ты же сам меня с ней познакомил.

– Да, познакомил. Теперь жалею. Она обратилась ко мне за помощью! – фыркнул Виталий.

– За какой? Отыскать ее друга?

– Типа того.

– А ты знаешь, что она в того друга влюблена с детства? Нет? Так я тебе расскажу, как обстоит дело. Хочешь?

Данила отказался, решив действовать так, как подскажет ему интуиция, а не отвергнутый когда-то Асей Виталий Сушилиин. Он купил новую рубашку и букет, но это не сработало.

– Сколько я тебе должна? – Ася полезла за кошельком, стоило ему вернуться в машину.

– Не начинай, – оборвал он ее почти грубо и вдруг решился на правду: – Я здесь, с тобой, не по зову долга.

– Скажи еще, что по зову сердца! – фыркнула девушка.

– Типа того. Ты мне нравишься. И скрывать я не собираюсь. – Он выехал со стоянки. – Куда теперь?

– Поехали к его деду. Он волну поднял. Позвонил и обрушил на меня странные новости, что Егор куда-то подевался. Диктую адрес...

Ехали в самом деле долго. Егор с дедом жили на даче за городом. Трасса была перегружена дачниками, они еле толкались и почти все время молчали. Данила пытался затеять разговор – бессмысленно. Ася отвечала односложно, на контакт вообще не шла. Прав был Сушилиин: затея Данилы провалилась с треском.

Дед ее исчезнувшего друга оказался бравым старичком. Густая белоснежная шевелюра, бородка клинышком, карие пронзительные глаза. Даниле он напомнил сказочника из давней детской передачи, и он сильно удивился, когда обнаружилось, что почти угадал.

– Я писал для детей сказки, – признался Николай Константинович. – Их охотно печатали, а родители читали своим детям.

– А сейчас? – обернулся к нему Данила от книжного стеллажа. – Вас издают?

– Ой, что вы, молодой человек. – Старик замахал на него руками. – Сейчас мое творчество не в формате. Не востребовано. Давно уже ничем таким не занимаюсь. Прошу вас к столу.

Дед накрыл стол на веранде старой дачи, где уже лет пятнадцать жил с Егором, сдавая городскую квартиру за хорошие деньги. Старые чашки с военной символикой, сахарница с отбитой ручкой, эмалированный зеленый чайник с закопченным дном.

– Вот крендели, крендели берите, Асенька. Их мне соседка выпекает. По моему рецепту старинному и из моих продуктов. Я раньше сам, теперь не могу. Не выходит. – Он протянул над столом сильно трясущиеся руки. – То муку просыплю, то яйца разобью. Она вызвалась помогать. Мы с Егоркой были только за.

Ася взяла с блюда крендель невероятных размеров, с сомнением подержала в руках, толкнула локтем Данилу:

– Будешь?

– Давай пополам?

– Ок. – Она отломала две трети, положила на его чайную тарелку ароматную сдобу и тепло глянула на старика: – Так что произошло, Николай Константинович? Что с Егором?

Старик сразу сник, сгорбился, уронил руки на колени. Острая бородка задрожала.

– Вы когда с ним общались в последний раз, Асенька? – поднял он на девушку увлажнившиеся глаза.

– Ну... Недели полторы назад, или две. Надо точно вспомнить. Мы были вместе на пляже. Я оставила его там и уехала домой. – Она отвела взгляд в сторону. – У меня появились срочные дела.

– И что же потом? – Старик смотрел на нее не отрываясь. – Вы больше не виделись?

– Нет. Он обещал позвонить.

– Позвонил? – встрял Данила, пережевывая крендель, который выглядел намного лучше, чем оказался на вкус.

– Нет. – Ася снова прикусила губу. На них она не смотрела.

– А вы ему тоже не звонили, Ася? – с легким укором спросил старик.

– Нет, – с легкой запинкой ответила она. – Как-то закрутилась, мачеха нагрозила делами.

Она врала! Не надо быть сыщиком экстра-класса, а Данила иногда считал себя таковым, чтобы понять – она врет. Или недоговаривает. Наверняка повздорили, она с пляжа ушла и больше не звонила. И он не перезвонил. Сушилилин предупредил и об этом.

– Этот кареглазый отрок очень нагло себя с ней ведет, – убеждал он Данилу, обкладывая со всех сторон советами.

– Почему отрок? Они же вроде ровесники. Им по девятнадцать.

– Потому что он так и не вырос, кажется, из коротких штанишек. Занимается не пойми чем. То работает, то нет. Учиться не пошел, хотя в школе был отличником. Все ищет себя.

– Может, это и неплохо.

– Может быть, только подозреваю, что его поиски затянутся. – Сушилилин делал страшные глаза. – Не хочет он ничего, Данила. Или не знает чего хочет. Эта категория людей особенная. Асе с ним рядом не место. Он ее погубит.

– А ты переживаешь?

– А я переживаю. Потому что был влюблен в нее...

Данила подозревал, что чувства Виталика никуда не делись, он по-прежнему влюблен в Асю. Удивительно, что он Данилу привлек ей помогать. Да, да, он сказал, что от его личной помощи Ася точно откажется, хотя и позвонила сама. А вот на Данилу не станет смотреть как на потенциального воздыхателя.

– Ты для нее просто мент, Дорофеев. А она для тебя – потерпевшая.

Он для нее – да. А вот она для него...

Данила и подумать не мог, что увлечется с первых минут этой девушкой. Будто кто в грудь толкнул или под дых ударил. Зашла в кабинет, поздоровалась, села, посмотрела на него – и все. Он пропал! Она ничего особенного не сделала и не сказала, а у него сердце заходило. Вот такие дела.

– А вы, Николай Константинович, когда в последний раз общались с внуком? – Он с трудом перевел взгляд с Аси на старика.

Тот задумался, теребя бородку. Потом мелко покачал головой:

– Да. Точно. Это было три дня назад. Или четыре. Вечером. Не поздно. Надо свериться с телевизионной программой. Футбол шел.

– Что смотрели? – наклонился в его сторону Данила. – «Зенит»__«Спартак»?

– Так точно, юноша! Такой матч! – Он довольно улыбнулся в бороду. – Мои оказались на высоте, и я пребывал в прекрасном настроении. И тут Егорушка подъехал на такси. Машину не отпустил. Влетел в дом и сразу за сумку. Я у него спрашиваю: что случилось?

– А он?

– А он смеется. Любовь, говорит, случилась, дед. Я никогда не видел его таким. Видимо, правда влюбился. Seriously влюбился!

Ася шумно выдохнула, губы изогнулись. Ревновала или сомневалась? Вопрос...

– То есть три дня назад. – Данила теперь точно знал, что три, а не четыре. – Вечером. Он приехал на такси, собрал вещи и уехал. Я правильно вас понял?

– Совершенно верно, молодой человек.

– Он не сказал: куда и с кем?

– Сказал, что едет в горы. С любимой девушкой. Одолжил у меня денег.

– Много?

– Откуда у меня много? Двадцать пять тысяч я ему дал. Что-то у него, видимо, было. Он же не так давно работал. Получил что-то. – Старик уткнул взгляд в стол. Извиняющимся тоном проговорил: – Мальчик ищет себя.

«Мальчик может проискать себя до пенсии», – вспомнились Даниле слова Виталика Сушила.

– Точное место, куда он отправился, вам неизвестно?

– К сожалению, нет. И телефон выключен.

Плечи старика под старой льняной рубашкой, сидевшей колом, приподнялись и опустились. Он выглядел очень подавленным.

– Прошло всего три дня, Николай Константинович, – попытался утешить его Данила. – Если он поехал куда-то далеко, это время пути. И...

– Вы не понимаете, молодой человек! – перебил его гневно старик. – Егорушка не мог не звонить мне! Он всегда звонит и спрашивается о здоровье! Где бы он ни был, с кем бы он ни был! Всегда! Он волнуется за меня, переживает. Я единственный его родной человек. У него нет родителей. Я его воспитал.

– Это правда, – вставила Ася, когда старик умолк. – Егор очень переживает за деда.

– Вот! – Трясущиеся ладони накрыли руку девушки. – Асенька, ну где вот он может быть, а?! Я извелся, понимаете ли!

– Он едет, Николай Константинович. Просто едет по местам, где нет связи. Если вообще уехал, а не отдыхает неподалеку со своей любимой девушкой.

– Исключено! – грозно крикнул старик. – Егорушка тем же вечером, но позже звонил мне с железнодорожного вокзала. Он уезжал и был сильно расстроен. Чем? Так и не сказал мне.

– А с чего вы решили, что он расстроен, Николай Константинович? Шум поездов мог исказить речь и...

– Молодой человек! – Старик начал медленно вставать, опираясь ладонями в край стола. – Если я говорю, что мой внук был расстроен, значит, он был расстроен. Я стар, но не безумен!

– Простите нас. – Ася погладила старую морщинистую ладонь деда Егора. – Простите. Он что-то говорил конкретное, Николай Константинович? Когда он позвонил, о чем он говорил?

– Он почти ничего не сказал, потому что он... – Борода старика снова мелко затряслась. – Потому что Егорушка плакал, Асенька!

Глава 5

С некоторых пор он начал верить в приметы. Стареет? Возможно. Хотя ему всего сорок, не возраст для мужчины. В этом убеждала его Настенька – одна из последних его увлечений.

– Игореша, сорок лет для мужчины – самый расцвет, – мурлыкала она, цепляя острыми зубками его ухо. – Поверь мне. Я знаю, что говорю. И ты в свои сорок за пояс любого двадцатилетнего заткнешь.

Он верил и не верил. Но точно знал, что не станет состязаться ни с одним юнцом. Но, может, права Настя, и он еще не стар.

Тогда, получается, глуп, раз начал верить в приметы.

Игорь хрустнул шеей, поведив подбородком в разные стороны, и снова уставился на темно-коричневые ворота, возле которых остановил машину пять минут назад.

Почему-то, подъехав, он решил, что за этими воротами его непременно ждут гадкие новости. Чем это было обусловлено? Тем, что солнце тут же нырнуло за облако, накрыв площадку глубокой тенью? И его машина тоже оказалась в этой тени. У него тут же зануло под ребрами и в висок кольнуло: добра не жди.

Бред же, ну! Солнце сегодня весь день за облаками прячется, и это ничем, кроме ночного дождя, грозить не может. И тень, в которой очутилась его машина, ничего зловещего не предвещает. Это просто тень от высокого забора и ворот. Все! Никакого подтекста. Просто следовало признаться самому себе, что очень не хочется въезжать на территорию. Обедать с Андреем, слушать его нытье. Поддакивать подозрениям и обещать, что со всем разберется. Снова обещать.

Как он устал от всего этого! Как его достало все: и Андрей, и дочь его малахольная. У него своя жизнь может быть? Он вообще на нее имеет право? А ведь даже уже на Андрея не работает. Он числится в его друзьях, и все! Это же не обязывает разгребать чужие проблемы, так?

Он вздрогнул, когда ворота дернулись и с мягким шоркающим звуком поехали влево. Его машину увидел охранник и подсуетился, решив, что Игорь потерял брелок. А он его не терял. Вон он – на панели лежит.

– Добрый день, Игорь Игоревич.

Охранник скупно улыбнулся, шутливо отдал честь, приложив ладонь к козырьку мягкой льняной кепки. Лицо в морщинах, глаза усталые. Сутки отрубил, сообразил Игорь. Когда-то ментом был, на Андрея тихо работал. После реформы списали по здоровью. Андрей сжалился и на ворота его поставил. Доволен ли был старый мент, нет, оставалось только догадываться. Но физиономия у него постоянно была кислой.

– Добрый, Васильев. – Игорь аккуратно въехал на территорию и кивнул на огромный дом за липами. – Как там?

– Тревожно, Игорь Игоревич. Света сбежала. Андрей Сергеевич переживает. – Бывший мент Васильев прижал ладонь к груди. – Смена была не моя.

Значит, говорить с ним без толку. Игорь кивнул и поехал дальше. Едва не ткнувшись передним бампером в огромный вазон с розами – он всегда так парковался, фишка у него была такая, – он заглушил мотор и выбрался из машины. Взгляд тут же отыскал окна кабинета Андрея на втором этаже слева – плотно занавешены. Все ясно: глубокая депрессия. А это значит, что его друг в хлам пьяный сидит за рабочим столом и жалеет себя до соплей. Игорь поморщился и снова подумал: он устал от него, от его постоянных домашних проблем и от того, что проблемы эти приходится решать ему – Игорю.

Он окинул взглядом территорию: чисто, ухоженно. Значит, у Андрея новый садовник. Прежний сбежал из-за его брюзгливого нрава месяц назад, и когда Игорь уезжал на отдых, клумбы пестрели сорняками.

Новый садовник...

Кто он? Почему Андрей взял его, не посоветовавшись и даже не сбросив ему на почту его данные? Решил, что уж с этим-то делом он сам справится? Ну-ну!

Не в садовнике ли причина бегства Светланы? Может, тот оказался красивым парнем, соблазнил девчонку, которую папаша с детства держал под семью запорами, и...

– Игорь! Ну наконец-то!

В дверях стоял его старый друг – Андрей Сергеевич Иванов. Тучная высокая фигура занимала почти весь дверной проем. Редкие светло-русые волосы были зачесаны назад. Лицо небрито. Одежда помята.

Ясно...

Пьет второй или третий день. И спит в том, в чем пьет. Не бреется и не моется.

Игорь мысленно послал друга к черту, нацепил на лицо приветливую улыбку и пошел вперед.

– Ты долго, – с обидой произнес Андрей и полез обниматься.

Игорь нехотя обнял его, поморщился от кислого запаха – Андрей реально провонял. Он поспешил отстраниться, похлопал его по плечам.

– Чего это ты так расклеился, Андрюха? Идем в дом. – Но он успел бросить взгляд за спину. – У тебя новый садовник?

– Да. Взял на днях. Все заросло, понимаешь. Глазу тошно.

– Понимаю. – Игорь потрепал друга за подбородок. – Тут тоже заросли. Не пора побриться?

– Слушай, не лечи, а! – взмолился Андрей и тяжело зашагал вперед. – Мне ни до чего, понимаешь?! Она... как она могла со мной так?! Я всего себя, а она...

– Слушай, не делай трагедии из того, что девчонка просто влюбилась.

Игорь привычно осмотрел обувь у входа: ни туфель Светланы, ни кроссовок, ни домашних тапочек. словно кто-то стер все следы ее присутствия в этом доме.

– Она не просто влюбилась, Игорь. Она сбежала.

Андрей резко остановился у входа в кухню. Игорь уткнулся лбом ему в спину. Спина была горячей и влажной от пота. Он тяжело вздохнул.

– Куда сбежала, как сбежала, с кем? Когда ты мне звонил, разговор шел только о том, что она влюбилась. И опять это было неточно. Ты только подозревал.

Он сделал вид, что не слышал новостей от охранника и теперь встревожен. На самом деле с ее-то внешними данными Андрею радоваться надо было, что кто-то на нее позарился. Худая до измождения, кожа бледная, как у отца, волосики редкие – тоже в него. Никакие деньги Андрея не помогли превратить ее в красавицу. Ухожена была, и только.

Сколько помнил Игорь, у Светки даже юношеских влюбленностей не было. Ни отец не позволял, ни внешние данные. И вдруг какая-то любовь.

Игорь прошел за другом в кухню и сел за стол.

– Я бы выпил кофе, – признался он и выразительно глянул на кофемашину. – Самому сделать или ты сподобишься?

Андрей думал не более десяти секунд. Сморщил рыхлое лицо, прохныкал:

– Сделай сам, а? Шевелиться не хочу.

– Пить бросить не пробовал? – Игорь вылез из-за стола, полез по шкафам в поисках кофе и сахара. – Посмотри на себя, Андрей. Как я понял, ты и в офис не едешь?

– Нет. – Друг рухнул на изящную оттоманку, жалобно пискнувшую под тяжестью его веса. – Нет необходимости. Там все отлажено.

– Ошибочное мнение, – упрекнул его Игорь. – Многие так вот разорялись, пуская все на самотек. Так нельзя, Андрей. Стоимость акций твоей компании может начать падать на фоне слухов о твоих регулярных запоях.

– Так уж прямо и регулярных! – Взгляд Андрея сделался колючим. – И меня никто не видит.

– А охрана? А горничная? А новый садовник? – принялся перечислять Игорь, засыпая кофейные зерна и нажимая нужную кнопку. – Кстати, кто он? Откуда взялся?

– Служба занятости прислала.

– Уже неплохо, – похвалил Игорь.

– А ты что думал, я его на улице подобрал? Хорошего же ты обо мне мнения, – обиделся Андрей, покосившись на друга. – Нормальный человек. За несколько дней все тут вылизал. Я доволен.

Игорь промолчал. Взял чашку с кофе и отошел к окну. Взгляд его прошелся между деревьями, зацепился за человека в спецодежде. Тот сидел на корточках у клумбы и маленькой лопаточкой окапывал гортензии. Движения были размеренными, выверенными. Ощущался опыт.

– Так что Светлана? Как ей удалось удрать от тебя? – повернулся он к другу с мимолетной улыбкой. – Достал девчонку, папочка?

Андрей наклонился вправо, с трудом просунул пухлую ладонь в узкий карман домашних штанов, вытащил скомканную записку и протянул ее Игорю.

– Вот... Вот что мне эта засранка оставила! И ни единого звонка с тех пор.

Игорь взял скомканный лист.

– О, да тут целое письмо!

Он быстро прочел его раз, другой, третий.

– Ну? Все по пунктам: когда, куда, с кем. Что тебе не нравится?

– Мне все не нравится! – рявкнул Андрей, медленно поднимаясь. – А главное то, что обязательным условием является ее выключенный телефон.

– Так она это объясняет, Андрюша. Ты найдешь ее, если она его включит. Что не так?

Андрей медленно пошел по кухне: голова опущена, руки в карманах.

– Она позвонила мне, Игорь. Сказала, что будет уезжать с железнодорожного вокзала. Ночью.

– Можно же вычислить по расписанию, что за вокзал.

Игорь закатил глаза и подумал, что получить сведения о Светлане элементарно. Было бы желание – шевелиться.

– Уже вычислили. Васильева просил. Тот поднял свои старые связи.

– И?

Игорь глянул на Андрея поверх кофейной чашки. Папочка удивил. Нечасто такое случилось.

– Она не покупала ни на каком вокзале билетов.

– Так на всех надо было поискать.

– Она ни на одном железнодорожном вокзале не покупала билетов. Ни тем днем, ни неделей, ни месяцем раньше.

– Самолет?

– Тоже мимо. – Андрей встал рядом с Игорем, губы его дрожали. Он едва не заплакал, когда спросил: – Она что же, Игореша, поехала автостопом?!

– Ничего нельзя исключать, папочка. – Он потрепал Андрея по плечу. – Могла и автостопом рвануть. А я всегда говорил тебе: ослабь вожжи.

– Я с тобой ослабил, ты и обнаглел! – неожиданно взорвался хозяин дома. – Я когда просил тебя приехать?! Больше недели назад! А ты... Ты все резину тянул! Обстоятельства у тебя, видите ли!

– Да, обстоятельства, – кивком подтвердил Игорь и отвернулся к раковине.

Андрею сейчас лучше было не видеть его лица, которое свело судорогой от бешенства. Желание плеснуть в лицо Андрея водой было настолько сильным, что он швырнул кофейную чашку в раковину, не рассчитав силы, – хрупкий фарфор рассыпался на осколки. Трясущейся рукой Игорь опустил рычаг смесителя. Зажмурился и тут же вспомнил густую тень, отброшенную забором на его машину. Вот и не верь потом в приметы и предчувствия! Как знал, что все пройдет плохо.

– Извини, – проговорил слабым голосом за его спиной Андрей. – Я не хотел.

– Я тоже. – Игорь повернулся, с наигранной бравадой произнес: – Мои обстоятельства женского рода весьма хороши собой. Настолько хороши, что невозможно оторваться.

– Извини, – повторил друг и вяло кивнул. – Все имеют право на личную жизнь. И Светка, и ты. Я этого лишен, потому и... Извини, я не имел права...

– Проехали, дружище, чего ты? – Игорь через силу улыбнулся, протянул ему руку. – Все хорошо.

– Угу, – пожал протянутую руку Андрей.

Они встретились взглядами и одновременно подумали, что ничего уже хорошо не будет. Никогда!

Андрей посмел озвучить то, что двадцать лет висело между ними невысказанным. Игорь это услышал и только теперь осознал, что он всегда был на побегушках.

Коврик для ног! Мальчик для битья! Хорошо, что хватило наглости и смелости оттяпать у Андрея приличный кусок пирога, иначе ради чего это все!

– Я заберу с собой эту записку, – сунул в карман Игорь оставленное Светой письмо. – Попробую показать экспертам. Не под давлением ли она его написала?

– Брось, Игорек. – Шаркая, Андрей пошел за ним следом к выходу из дома. – И вещи она свои под давлением собирала. И звонила мне звенящим от счастья голосом. Сюсюкала, просила не обижаться. Ладно, если удастся узнать, где она тусуется, буду признателен. Размер моей благодарности ты знаешь.

Игорь промолчал.

– В любом случае жду результатов. Даже если их и не будет, все равно жду.

– Хорошо. Посмотрю, что могу сделать.

Они скованно простились. Игорь закрыл за собой дверь. Но пока шел до машины, лопатками чувствовал тяжелый взгляд Андрея. Да, упустил тот момент, когда мог им командовать. Упустил и, кажется, только теперь понял. Что-то теперь за этим последует.

Игорь достал телефон, усаживаясь в машину. Нашел нужный номер. Минуту думал: звонить, нет? Он же будет потом обязан. Сильно обязан.

Но не позвонить он не мог. Он обещал искать. Он будет искать.

– Привет, – тихо произнес он в трубку.

– Какие люди! Сколько лет, сколько зим! – искренне изумился его звонку старый знакомый. – Сколько же лет прошло, Гоша? Дай-ка вспомню...

– Не трудись. – Игорь закатил глаза на выдохе. – Почти десять.

– Почти десять, – эхом отозвался тот. – Что случилось на сей раз? Снова горе в семье твоего друга?

– Почти угадал. Случилось. В семье моего друга. Горя-то, надеюсь, никакого нет. Девчонка просто сбежала с любовником. Отцу оставила записку. В день бегства звонила ему. Сказала, что уедет с железнодорожного вокзала, но билетов никаких не покупала. Ни на поезд, ни на самолет. Телефон отключила. При чем в записке предупредила, что так сделает.

– От меня-то что нужно? Раз вы уже знаете, что она не покупала билетов, значит, установили, с какого вокзала она звонила. И проверили там наличие камер и...

– Не проверили, – перебил его Игорь. – Проверь, а? Плачу по тарифу с учетом инфляции.

– Само собой, – хмыкнул тот довольно. – Скинь мне ее фото. Хотя... Сам найду. Не нужно.

– Конечно, найдешь. И фото, и ее найдешь. Я в тебе не сомневаюсь. Ты же профи! Диктую данные...

– Расслабься, Гоша. Я помню, что дочь твоего друга зовут Светланой. Все остальное узнать – пара пустяков. – Послышалось отчетливое клацанье по компьютерной клавиатуре. – С ее подругами, как я понял, ты еще не общался.

– Только приехал.

– С Настей?

– О господи! – Игорь вспыхнул. – Есть что-то, чего ты не знаешь?!

– На данный момент я не знаю, куда и с кем сбежала дочь твоего друга. А все остальное...

Ладно. Буду работать. Жди звонка.

Глава 6

У нее дико болела голова. В комнате, в которой она скрылась от невыносимо фальшивого пения мачехи, было душно и пыльно. Это была гостевая, с комодом, невысоким шкафчиком у двери, узкой кроватью и пыльными занавесками, широко раздвинутыми в разные стороны.

Здесь давно никто не останавливался. К ним никто не приезжал с ночевкой. Все ее друзья избегали приходиться к ней в дом: мачеха Татьяна тут же начинала к ним цепляться. Все друзья отца и мачехи предпочитали ночевать у себя дома. К ним цеплялась Ася.

А может, все из-за грязи? Гостям было неудобно в их доме именно по этой причине?

Ася глянула из-под руки на круглый ковер в центре комнаты: заляпан чем-то. По углам паутина. Почему так? Не потому ли, что, долго препираясь с мачехой на тему: кому содержать квартиру в чистоте, они пришли к выводу, что сойдет и так?

– Тебе не нравится, убери, – дергала плечами Татьяна, сменившая умершую мать Аси в кровати ее отца. – Мне этим заниматься абсолютно некогда.

И это при том, что она редко работала прежде. Сейчас не работает вообще.

Ася убирала свою комнату, кухню, ванную, коридор. В спальню отца и гостевую она не совалась. Только сейчас была вынуждена здесь запереться – гостевая самая дальняя, здесь относительно тихо. А Татьяна готовилась к очередному конкурсу, невыносимо противно пела и без конца просила ее послушать.

Ася перевернулась на спину, уставилась в потолок. Глаза налились слезами.

Где же Егор?! Куда он мог подеваться? Что вообще с ним случилось? Почему он давился слезами, когда звонил деду с вокзала? Ася не помнила, чтобы Егор когда-то плакал. Разбитые колени после падения с велика, синяки на лице после драки, вывихнутое плечо после тренировки – ни единой слезы. Ныл, да. Но чтобы плакать! Это не про него.

Что могло случиться?!

Данила Дорофеев, которого ей порекомендовал Виталик Сушилиин как опытного опера, пока ничего путного не установил.

Нет, он узнал, что Егор если и покинул пределы города, то не воспользовался ни железнодорожным транспортом, ни самолетом.

– Билетов на свое имя он не покупал, – заверил Дорофеев.

– Он мог уехать автобусом, автостопом, – возразила Ася.

– Мог, – соглашался тот.

Его взгляд постоянно ползал по ее лицу и телу, и это было неприятно.

– Но он не мог не позвонить деду, – отворачивалась от него Ася.

Он молчал. А она затылком чувствовала его горячее дыхание. Зачем она согласилась на его помощь? Лучше бы Виталика привлекла. Того хотя бы давно знает и уже привыкла к его вниманию. А этот – новичок из ее воздыхателей – без конца облизывал губы, краснел, потел, нервничал и то и дело приглашал ее на свидания.

Где Егор?!

Ася вытащила из кармана домашнего халата телефон и в сотый раз за минувшие дни набрала знакомый номер.

– Аппарат абонента выключен или...

Она не дослушала, отключилась. Глаза снова зажгло от слез.

С ним что-то случилось! Он не мог просто так выключить телефон. Должна быть причина.

– Он мог его потерять, – предположил вчера Дорофеев.

Мог. Она не стала спорить. При его творческой рассеянности это норма. Но Егор нашел бы способ связаться с дедом. Пусть с ней не желал разговаривать, но деда он забыть не мог.

Егор в беде!

– Чего сразу в беде-то? – беспечно улыбнулся Данила, когда она озвучила ему свои подозрения.

И, совсем не понимая, что делает ей больно, закончил свою мысль словами:

– С девушкой любимой забыл обо всем. Это объяснимо...

Дверь в гостевую спальню отлетела в сторону, ударяясь о стену. Пыльные шторы на окне шевельнуло сквозняком. В комнату шагнула Татьяна. Высокая, грудастая, ноги длинные, стройные. Отцу было от чего забыться предвкушением долгого счастья – Татьяна была по современному хороша собой. Он и думать не желал, пожилой чудак, что это не навсегда. Ася знала, что это рано или поздно закончится, а он нет.

Когда это случится?

Может, после очередного конкурса, в котором Татьяна наконец-то победит. Может, после неожиданного знакомства на набережной, где она любила выгуливать собаку своей лучшей подруги. Неизвестно где и когда, но важное знакомство, которое обеспечит ее отца рогами, непременно случится. Потому что Таня его искала.

– Аська, мне срочно нужна твоя помощь, – заявила бесцеремонная мачеха. – Ты должна прослушать припев. И возражения не принимаются. Завтра слепые прослушивания. Я не могу слагать. Вот слушай...

Неожиданно она спела прилично. Ася попросила повторить, в надежде, что Таня собьется. Нет. Хорошо спела.

– Берешь уроки вокала? – удивленно распахнула она глаза. – Тебе же медведь на ухо наступил.

– Это тебе наступил медведь непонятно куда, – вдруг обиделась мачеха, присаживаясь на край узкой кровати. – Валяешься тут, страдаешь.

– Чего это я страдаю? – Ася резко села, чтобы не касаться ногой горячего бедра мачехи. – Просто ушла от тебя подальше. Отдыхаю.

– Отдыхает она! – фыркнула Татьяна, поправила край несвежего, давно не стиранного покрывала, которым была укрыта кровать. – По Егорке печалишься, я же не дура. Вижу! И чего ты в нем нашла?

– Не твое дело, – буркнула Ася, слезла с кровати и подошла к окну.

– Может, и не мое. Только шансов, детка, у тебя никаких. Не любит он тебя, – не без удовлетворения протянула Татьяна. – Ты для него только боевая подруга, не более. Вот для того, кто третий вечер за тобой на машине подъезжает, ты объект обожания. Хотя вы усиленно делаете вид, что вас связывает лишь дело. Но я не слепая – ты ему страшно нравишься, Аська. А для Егора... Нет. Ты для него никто.

Ася таранилась в стекло. Оно было таким пыльным, что улица казалась серой. Серые листья, серые клумбы, серые люди.

Зачем она так с ней? Хочет сделать ей больно?

– Я не пытаюсь сделать тебе больно, – опротестовала ее мысли мачеха. – Просто я неделю назад видела Егора в очень интересной компании. И... И повторюсь: у тебя нет шансов, Ася.

– Неделю назад? – Она резко повернулась. – Точно семь дней назад или плюс-минус?

Татьяна собрала на лбу морщины, выкатила на нее глазищи. Это она так думала. Подумав, мачеха качнула головой.

– Нет, не точно. Может, неделю. Может, чуть больше. Может, чуть меньше.

– Хорошо. Не суть, – замотала головой Ася. Сердце заколотилось сильнее. Она разволновалась. – Что за компания? Что за люди? В котором часу это было? Что они делали? Где?! Где видела?

– На набережной. Чарлика выгуливала. – Лоб Татьяны снова пошел морщинами. – Вечер. Да, точно, вечер. Но было еще светло. Я затемно там не гуляю.

Ася чуть не фыркнула: кто же в темноте рассмотрит прелести, выставяемые напоказ!
– Хорошо, ты выгуливала Чарлика и?..

Нервной походкой она подошла, села рядом с мачехой на кровать, схватила ее за локоть, тряхнула. Та слишком долго думала.

– Таня! Что было дальше?

– Они гуляли. Егор с девушками. Три девушки. – Татьяна подняла вверх три пальца с идеальным маникюром, стоившим Асиному отцу целого состояния. – Егор и три девушки, да. Веселые были, беззаботные. Хохотали без конца. Как показалось мне, совершенно без причины. Девушки нарядные. Загорелые. Мне показалось, что они идут с пляжа.

– Что на нем было надето? Егор в чем был?

– Что-то яркое, не помню.

– Ярко-оранжевая футболка и пестрые, в тон, шорты, так?

– Кажется... – Складки на лбу мачехи грозили переродиться в ранние мимические морщины.

– Они прошли мимо? Егор поздоровался с тобой? Или сделал вид, что незнаком?

– Это я сделала вид, что не знаю его. Честно? – Глубокого серого цвета глаза Татьяны гневно вспыхнули. – Мне было неприятно то, как он без стеснения тискал эту анемичную девчонку. Глянуть не на что! Разве сравнить с тобой? Нет же, нет! А он ее... Я и отвернулась. А потом пошла за ними, на расстоянии. Но шла недолго, до автостоянки. Они уселись в машину и уехали.

У Егора девушка? А она думала, что он приврал деду. Она на это так надеялась!

У Егора девушка, о которой ей ничего не известно. Он всегда делился своими секретами. В подробностях, от которых ее сердце щемило. На этот раз он промолчал. Все настолько серьезно? Все настолько запретно? Или до него все же дошло, что он каждый раз, рассказывая, делает ей больно?

– Что за машина, Таня?

Ася проморгала слезы и требовательно уставилась на мачеху.

– Машина? – Со вздохом поднявшись, мачеха шагнула к двери и произнесла: – Очень крутая машина, детка. Красная, приземистая, очень-очень дорогая! Марку не угадала изда-лека. Номеров не видела. Но ведь твой воздыхатель запросто может отследить ее по камерам, разве нет?..

– Надо постараться, – последовал туманный ответ на ее вопрос от Данилы. – Сама понимаешь, в официальном порядке я этого сделать не могу. Дела я не веду. Да и дела никакого нет. Дед твоего друга отказался писать заявление. Разве нет?

Да-да, дед Егора категорически отказался.

– Асенька, не могу! – признался он, комкая руками край грубой льняной рубахи. – Боюсь гнева Егорушки. Его коллеги...

Клинышек бородки качнулся в сторону Данилы.

– Они порой весьма некорректно поступают с гражданами. Я объявлю его в розыск, а они неправильно поймут и руки скрутят на каком-нибудь курорте. Я хотел бы как-то тихо. Без огласки...

Дед Егора заявления не написал. Официально Егор не числится пропавшим. Данила сделать официальный запрос не может, и допуск к записям с городских видеокамер получить – тоже.

Официально...

– А если в обход? – Ася закатила глаза, стоя у пыльного окна гостевой спальни. – Если в обход официального порядка?

– Это чревато, – отозвался Данила после паузы и с тяжелым вздохом продолжил: – Можно, конечно, попробовать, но...

– Что ты хочешь? – перебила его Ася.

– С тебя свидание! – выпалил он, не раздумывая ни мгновения. – Настоящее свидание, а не деловая поездка. С рестораном, прогулкой. Обещаю, приставать и наглеть не буду. Свидание в обмен на сведения. Идет?

– Идет, – вздохнула Ася и отключила телефон.

Глава 7

Она только-только поверила в счастье, снова почувствовав себя молодой, желанной, красивой, как он все испортил.

Ниночка обвела поплывшим от слез взглядом стены приемной.

Все будто как прежде: нарядно, дорого. В прекрасной цветовой гамме, успокаивающей, не раздражающей. Ей всегда хотелось побыть здесь чуть дольше, так ей нравилась мебель светлого дуба, мягкие стулья и диванчики, и еще большие люстры под высоким потолком в виде нежных белоснежных цветов. Когда из окна дуло чуть сильнее, огромные невесомые шары слегка покачивались. И это ей нравилось тоже.

Ей все здесь нравилось и хотелось побыть подольше, поэтому она приходила раньше назначенного времени и терпеливо ждала своего часа, который он ей назначал. Настраивалась. Выходя из его кабинета, она снова садилась на мягкий диванчик у окна и отдыхала после беседы. Анализировала. Уходила довольной, умиротворенной.

Но не сегодня!

Сегодня он – ее замечательный доктор, с которым она в тайных мыслях занималась запретным, – все испортил. Он, округлив глаза от изумления, воскликнул:

– Нина, поймите, это может быть опасным!

– Почему?

Она жалко улыбнулась, совсем не поняв его тревоги. У нее все так превосходно складывалось сейчас. Она впервые за десять лет задыхалась полной грудью. Даже достала из пыльного чехла дорогие платья. Одно она вчера надевала в ресторан. Была абсолютно счастлива, наблюдая восторженные взгляды посторонних мужчин. И на седьмом небе обитала, купаясь в нежности своего спутника.

А ее любимый доктор сегодня безо всяких переходов и тщательного подбора выражений заявил, что это может быть опасно.

– Вы против того, чтобы я начала жить? – Это первое, что вырвалось у ошеломленной его реакцией Ниночки.

– Нет, как раз напротив. Я всячески пытаюсь вернуть вас к жизни. – Психолог принялся нервно поигрывать авторучкой, зажав ее у основания указательного и среднего пальца. – Мы с вами уже не первый месяц работаем над тем, чтобы вы обрели уверенность. Избавились от страхов.

– А разве то, что я познакомилась с мужчиной и начала с ним встречаться, не следствие наших с вами бесед? Это не указывает на то, что я обрела уверенность и избавилась от страхов?

Он уронил авторучку на стол, не ожидая от нее такого отпора. Прежде она была почти бессловесной. Молча внимала его речам, согласно кивала или плакала, улыбалась. Но почти всегда молча.

– Простите, Нина.

Он улыбнулся ей одними губами. Она прекрасно поняла, что это лишь игра лицевых мышц, не более. Глаза... Его глаза оставались тревожными и холодными.

– Простите.

Он опустил голову, и она рассмотрела наметившуюся плешинку на его макушке. Небольшую, тщательно скрытую зачесанными назад волосами. Неожиданно нахлынуло разочарование. Облик замечательного мужчины-доктора поблек. Вспомнился тот – другой, которому она посвятила минувший день и большую часть ночи.

Он...

Он был замечательным! Понимающим собеседником. Восхитительным любовником. С ним ей было спокойно и надежно. Ни одной плохой мысли не промелькнуло за минувшие

сутки в ее мозгу. Не то что сейчас, когда она за свои же деньги получает порцию негативных прогнозов.

– Простите, Нина, если я был с вами резок. – Доктор поднял голову, и последовала еще одна осторожная улыбка одними губами. – Возможно, вы правы, решившись на новые отношения. Но!.. Я повторюсь: вам необходимо как следует узнать этого человека, прежде чем вы окончательно пустите его в свою жизнь, в свою квартиру.

Она уже пустила!

– Мошенников не стало меньше.

– Почему мой новый избранник обязательно должен быть мошенником? Вы считаете меня наивной душой?

Ее губы задрожали от гнева. Впервые за все время их сеансов.

– Нет. Душой я вас не считаю и не считал никогда. – Он глянул совершенно искренне. – Я считаю вас очень чистым и открытым человеком, не готовым к чужой подлости, алчности. Я не должен сейчас с вами так говорить. Я ваш психолог. Я должен все больше слушать. Понимать, анализировать. Но... За это время, что вы посещаете меня, мне казалось, мы достигли с вами некоего понимания.

– Допустим, – резко перебила она его. – Но так было раньше. Сейчас моя жизнь круто меняется. В лучшую сторону.

– Надеюсь, – теперь он уже перебил ее. – Я на это искренне уповаю. И просто прошу вас быть осмотрительнее.

Он выразительно глянул на часы. Время сеанса подошло к концу. Оставалось семь минут. И она решила потратить их на то, чтобы отстоять доброе имя своего нового избранника. Говорила быстро, путано, порой гневно. Он слушал и не перебивал, но последнее слово все же оставил за собой. И на ее вопрос, что же не нравится, ответил:

– Я всегда призываю быть осторожными своих клиенток, да и просто знакомых женщин, когда случаются такие вот неожиданные знакомства.

Он помолчал, рассматривая безоблачное небо за окном. Потом осторожно тронул прядь волос на макушке, которая прикрывала крохотную плешинку.

– Как-то уж слишком вовремя этот мужчина появился возле вас, – проговорил ее психолог после паузы. Его лицо странно сморщилось. – В тот момент, когда вы были чрезвычайно напуганы тем, что вспомнили человека, который смотрел на вас днем. И вдруг является он – принц без коня, но в доспехах. Все это...

Он умолк на мгновение. Оглядел ее строгим взглядом старшего брата.

– Скажите, у вас уже была с ним близость?

Кровь забилась в висках, она даже на мгновение ослепла. Потом сдержанно кивнула.

– Это было у вас дома?

Последовал еще один кивок.

– Я надеюсь, вы не снабдили его запасным комплектом ключей?

Она прикусила губу, не отрывая взгляда от своего психолога. И снова кивнула.

Да, она отдала ночью запасной комплект ключей – сочла, что так будет правильно. Просто он мог приехать задолго до того, как она вернулась бы от психолога. Ну не сидеть же ему во дворе на лавочке. После всего, что между ними было!

– Нина, Нина, – доктор покачал головой и посмотрел на нее как на дуру.

Именно так он посмотрел на нее. И именно по этой причине она сейчас не торопилась домой, а уселась в его приемной на привычном месте и пыталась справиться со слезами.

А что, если он прав – она сейчас вернется домой, а там пусто? Нет ни украшений, которые завещала ей бабка по отцу, ни сбережений, которые она хранила между простынями. И кредиток нет, которые она держала в конвертиках с ПИН-кодами прямо в верхнем ящике тумбы под телевизором.

Она и правда дура! У нее одних этих кредиток на полтора миллиона. С банков присылали, она складывала и не активировала – ей было не нужно. Но ведь любому мошеннику или брачному аферисту это будет на руку. И...

Ниночка тряхнула головой и вытерла тыльной стороной ладошки глаза. К черту! Надо жить, а не бояться! Надо доверять, а не шарахаться от каждого мужчины по той простой причине, что он может оказаться брачным аферистом или кем-то там еще!

Может оказаться, а может, и нет! Ниночка осторожным движением поправила прическу. Так можно всю жизнь бояться, а не жить. И тут, как нельзя кстати, вспомнилась сказка о Премудром пискаре.

Она улыбнулась и поднялась с мягкого диванчика с легким сердцем. Бросила последний взгляд на дверь, за которой только что исчез следующий пациент, и зашагала к выходу, твердо решив, что больше сюда не вернется.

Она долго гуляла по городу, домой не спешила. Заходила в бутики, мерила ненужные наряды. Даже купила себе красивый шелковый шарфик, невероятно оттеняющий ее глаза. Зашла по пути в маленький уютный ресторанчик. Съела диетический суп и овощную котлету. И только потом поймала такси и поехала домой, попросив таксиста не спешить.

Если ее решили обокрасть, то уже это сделали, решила она. Если нет – значит, все у нее будет хорошо в дальнейшем. И тратиться на психолога она больше не станет. Будет слушать свое сердце.

Когда она выходила из лифта на своем этаже, ее бедное сердце готово было вырваться из груди. И пальцы отчаянно дрожали, пытаясь воткнуть ключ в замочную скважину. Она попыталась повернуть его – безрезультатно. Еще одна попытка. Еще одна. Лоб покрылся испариной. Вот оно! Психолог предупреждал! Она дура! Чертова наивная дура, доверившаяся первому встречному!

– Нина, привет, тут открыто.

Дверь квартиры широко распахнулась, едва не стукнув ее по лбу. На пороге стоял он – принц без коня, но в сверкающих доспехах. Так охарактеризовал его ее доктор. Короткие шорты в клетку, черная футболка. Через плечо кухонное полотенце.

– Ты долго. Я уже волноваться начал, – широко улыбнулся мужчина ее мечты. – И чтобы не тратить бездарно время ожидания, я приготовил нам шикарный ужин.

Только сейчас она уловила, что из ее квартиры тянет чем-то вкусным. Смесь из запахов жареного мяса, приправ, чеснока.

– Как замечательно, – прошептала она, делая короткий шагок ему навстречу.

– Что замечательно? – Он обнял ее и поцеловал в макушку. – Пахнет замечательно?

– Замечательно, что ты у меня теперь есть!

Глава 8

Игорь трижды набирал номер квартиры и нажимал вызов на домофоне: ему никто не открыл. Но это ведь совсем ничего не значит, так? Девчонка просто могла принимать ванну и не слышать, что у нее гости. Или уши залепила наушниками и пританцовывает. Это у них в порядке вещей.

Он встал возле дверей подъезда и замер. Кто-нибудь непременно выйдет или войдет, и он воспользуется ситуацией. Солнце жгло ему в макушку. Белоснежная рубашка постепенно пропитывалась потом, но он терпеливо ждал.

На одиннадцатый этаж он поднимался уже через десять минут. Его впустила выходящая из дома пожилая семейная пара, матерно скандалившая сдавленными голосами. Если Игорь правильно разобрался в их сложной семейной ситуации, пара не поделила пульт от телевизора.

Со сдавленным смешком выпустив супругов и похвалив себя за то, что так и не женился, Игорь вошел в подъезд. Три шага до лифта, и через пару минут он остановился возле матово поблескивающей серебристой металлической двери. Сверился с номером. Все так, здесь проживает подруга Светы – Валентина. Или Валечка, как постоянно называла ее Света.

Он позвонил в дверь раз, другой, третий. Принялся стучать крепко сжатым кулаком. Валечка не открыла. Зато открылась соседняя дверь, и оттуда высунулась противная старуха в длинном шелковом халате с лохматой собачкой на руках. Игорь поморщился. Он не терпел старух в шелках и с собачками. Особенно таких – с подозрительно прищуренными, мелко посаженными глазками.

– Вы чего хулиганите? – тихо возмутилась старуха. – Кто дал вам право молотить кулаками по двери?

– Простите. Мне нужна Валентина. Не знаете, она дома? – Он через силу улыбнулся. – Не открывает.

– Вы кто такой? – Ее губы сжались трубочкой, она оглядела Игоря с головы до ног. – Что-то лицо ваше мне кажется знакомым. Вас не разыскивает Интерпол?

О боже! Игорь отчетливо скрипнул зубами.

– Нет. Меня не разыскивает Интерпол. – Он оскалил зубы, полез в карман за членским билетом теннисного клуба и протянул противной подозрительной старухе. – Это все из документов с собой. Но уверяю вас, они подлинные.

Она вытянула шею, прищурилась сильнее, принялась читать. Лохматая собачка неожиданно высунула розовый язык и лизнула старуху в щеку. Игоря чуть не стошнило.

– А лицо мое и впрямь может быть вам знакомо, поскольку я забирал от Валентины свою племянницу Светлану, – приврал Игорь. – Неоднократно.

Старуха шире распахнула глаза, принявшись осматривать его более тщательно.

– Возможно, – нехотя признала она. – Возможно, я вас видела с одной из подруг Валентины. Так что вы от нее хотели?

– Я ищу свою племянницу Светлану. Подумал, может быть, она загостилась у Валентины, – почти не соврал Игорь.

Старуха затрясла головой. Ее противная лохматая собачка заскулила.

– Никто не может гостить у Валентины, потому что она улетела на отдых.

– Когда? – У Игоря вытянулось лицо.

– Погодите, сейчас вспомню...

Тонкий морщинистый палец уткнулся в ее висок, взгляд поплыл по просторной лестничной клетке. Через минуту ее голова слабо качнулась.

– Да, точно. Было это несколько дней назад. Четыре или пять, не могу сказать точно. Но больше трех точно. Три дня назад мы с Тофиком были у ветеринара, а к этому времени Вален-

тина уже уехала. Ее забирало такси со двора. Она была с ярким таким алым чемоданом. Да, больше трех дней назад, но меньше шести. Шесть дней назад ко мне приезжал сын с продуктами. Валя с ним ехала в лифте. Он рассказывал. Меньше шести, но больше трех дней назад. В этом промежутке. И она была одна. Вашей племянницы не было с Валей.

Игорь вежливо поблагодарил старуху и ушел. В машине он долго сидел без движения. Размышлял, как рассказать своему другу и партнеру, что следов его дочери обнаружено не было. Нигде!

Тот человек, которому он поручил поиски, нигде не нашел Светку. А в его руках были такие инструменты, он обладал такими возможностями, что это обескураживало.

– Она, конечно, могла со своим бойфрендом скрыться где-нибудь в горах. В какой-нибудь глухой деревне, но...

Но это было невозможно. Света любила комфорт. Представить ее плескающейся над тазиком отец не мог, как ни старался. К тому же того запаса вещей, что исчезли из ее шкафа, хватило бы дня на два-три. Потом Света непременно посетила бы бутик, чтобы обновить накучивший гардероб. Ни в одном бутике Света не нарисовалась. Да и тех наличных денег, что она сняла с банковской карты, не хватило бы на посещение более или менее приличного магазина.

Неприличные места она не посещала.

Вывод, который стучался Андрею в мозг, был тревожным. Он ему не нравился. Он второй день не принимает спиртного в надежде на хорошие новости. И тут Игорь озвучит ему безрезультативный вывод.

Он протянул руку, взял мобильник с соседнего сиденья, набрал нужный номер. Тот ответил мгновенно, сразу без приветствия и предисловий сказал:

– Пока ничего. Я ее не нашел.

– Плохо, – упавшим голосом произнес Игорь.

– Хуже не бывает, – последовал озадаченный ответ.

– Какие-то предположения имеются?

– То, что я тебе озвучу, тебе не понравится.

– И все же?

– Если она не скрывается намеренно в каком-нибудь глухом месте, что ты категорически отрицаешь, значит, ее ото всех прячут так, чтобы не нашли. И тут одно из двух: либо ее похитили, либо убили.

Игорь слабо охнул. В трубке помолчали, потом спросили:

– Твои мысли?

– Она никому не успела навредить. Зачем ее убивать? И Андрей сейчас не в той бизнес-форме, чтобы похищать его дочь и требовать выкуп. И...

– Остановись, Гоша. – Собеседник тяжело вздохнул. – Тут вот какое дело. Как-то выпало. Не успел тебе сообщить.

– О чем? – В животе болезненно заныло.

– Он вернулся.

– Кто? Кто вернулся?!

Ответ тут же всплыл сам собой, боль из живота сместилась выше, он стал задыхаться.

– Ты хочешь сказать, что Харитонов...

– Да, он откинулся, Гоша. Десять лет прошло. – В трубке попыхтели. – Он вышел на свободу с чистой совестью, отбыв весь срок заключения за убийство жены твоего друга и за покушение на убийство какой-то любительницы приключений. И если вспомнить, как он покидал зал суда...

– Я не виновен! Я ничего не сделал! Я просто хотел помочь! – орал осужденный на десять лет строгого режима Сергей Харитонов.

Его взяла полиция возле трупы жены Андрея, окровавленного. У кого возникнут сомнения в его виновности? У полиции их тоже не было. Его взяли. Потом адвокат выхлопотал ему выпуск под залог. Но Харитонов, кажется, не успокоился. Он вошел во вкус и снова напал. Женщина едва осталась жива и опознала напавшего на нее мужчину – Харитонова. В его кухонном столе нашли нож – орудие убийства жены Андрея.

– Я не нападал на эту женщину! – возмущался Харитонов, когда ему дали последнее слово. – Это ложь! Это подстава! Она не могла меня узнать. Вы сами рассказывали, что там было очень темно. Как, скажите, она могла рассмотреть того, кто на нее напал...

Эти слова сыграли ключевую роль. Судья ему не поверил и влепил десять лет строгача. Все были уверены, что он еще легко отделался, и когда Андрей попытался подать на пересуд, знакомые из суда посоветовали ему этого не делать.

Слишком много белых пятен было в том расследовании, несостыковок, которые судья то ли не заметил, то ли не счел существенными. И слишком все быстро провернули тогда.

– Подать ты можешь, Андрюша. Но его могут оправдать. И выпустить, – осторожно уверещивал его знакомый.

– Я тогда сам его убью, – заплетающимся от беспробудной пьянки языком лопотал Андрей.

– Тогда сядешь уже ты...

Сел Харитонов. Когда на него уже надели наручники и повели к двери, он обернулся и крикнул:

– Я вернусь! И вы все ответите!

И вот он вернулся.

Игорь почувствовал острую боль во всем теле.

Неужели это случилось? Неужели Харитонов...

Как сказать Андрею?!

– Я понял, – бесцветным голосом отозвался он. – До связи. Если будут новости – звони.

– Разумеется, Гоша. Разумеется...

Его хороший знакомый отключился. А Игорь застыл, погрузившись в невеселые мысли. Он просидел, видимо, достаточно долго. Противная старуха вывела на прогулку свою лохматую собачонку, увидела его в машине на стоянке и сочла своим долгом пристать.

– Что это вы тут сидите? – спросила она, возмущаясь и любопытствуя одновременно.

Ее лохматая собачонка злобно смотрела на Игоря через свисающую на глаза челку.

Он опустил стекло, чтобы старуха не молотила по нему согнутым крючком пальцем.

– Что вы хотите? – спросил он устало.

– Что вы тут забыли? Почему продолжаете сидеть? Я же сказала вам, что Валентина улетела на отдых в Доминикану. Я только что уточнила у ее бабки по телефону. Так что вам незачем тут сидеть. Понятно?

Ему очень хотелось протянуть руку, схватить старуху за воротник ее летней рубашки и тряхнуть как следует. А заодно и ее собачку. Сдержался. Это лишнее.

– Я размышляю, – коротко пояснил он. – Куда могла подеваться Светлана – моя племянница? И я волнуюсь.

Не дожидаясь, когда старуха снова раскроет свой рот, Игорь завел мотор и уехал. Бездумно колесить по городу не имело смысла – наткнуться на праздношатающуюся дочь Андрея он не мог.

Как обо всем рассказать ее отцу? Какие правильные слова найти? С чего начать?

Она не позвонила и не вернулась. Она не оставила нигде ни единого следа. Это могло означать только одно – дочь Андрея больше не ходит по этой земле.

Так. Наверное, именно так и надо будет ему сказать.

Глава 9

Ей пришлось нарядиться в вечернее платье. Настояла Татьяна.

– Это свидание, а не деловой ужин. Умей себя подать, – нудно поучала она Асю, перебирая в шкафу ее наряды. – Получится у тебя что-то с ним или нет – неважно. Важно, что ты будешь выглядеть красиво. И именно поэтому будешь чувствовать себя уверенно. Ничто не сравнится с тем, когда на тебя жадно смотрят мужчины. Непередаваемое ощущение, скажу я тебе.

Бесстыжая баба совсем забыла, что Ася дочь ее мужа и ее могут оскорблять подобные замечания. Обида за отца и все такое. А Татьяна без стеснения учила Асю правилам соблазнения.

– Вот это платье будет кстати. – Татьяна сняла с плечиков легкое короткое платье пудрового цвета, швырнула им в Асю. – Примерь немедленно.

Ася померила. Татьяна одобрила. Подобрали туфли. Мачеха вызвалась сделать ей прическу.

– Раз ресторан, значит, прическа.

– Никаких буклей! – предупредила Ася, усаживаясь перед туалетным столиком мачехи.

Та пообещала и обещание сдержала. Сделала ей вполне приличную прическу, оголив шею и лоб. Из квартиры выпроводила, перекрестив в спину.

– Не забывай – это свидание. Никаких разговоров о твоём непутевом дружке!

Ася кивнула и пообещала самой себе, что не станет говорить о Егоре, спрашивать, удалось или нет Даниле раздобыть записи с камер видеонаблюдения, расположенных на набережной.

Но неожиданно тот сам начал этот разговор и даже вручил ей флешку вместо положенного букета.

– Извини, но как-то так. Зная, как ты относишься к цветам, решил больше не рисковать, – осторожно улыбнулся он, влез в карман джинсов и протянул ей флешку. – Думаю, этому ты больше обрадуешься.

Ася кивком поблагодарила, мысленно протестуя. Она любила цветы, просто не терпела, когда букеты пропадали, только и всего.

– Что на ней? – Она выразительно глянула на флешку.

– Там твой друг – Игнатьев Егор Константинович – в компании девушек прогуливается по набережной. Твоя мачеха не соврала.

– Личности девушек, конечно, не установлены? – вздохнула Ася, убирая флешку в сумочку.

– Ну почему же? И личности девушек установлены. И местонахождение двоих из них – тоже. Может, мы, на взгляд обывателей, не очень хорошо работаем. Но уж вычислить хозяина транспортного средства по номерам даже нам под силу. И по телефону поговорить с хозяином транспортного средства нам несложно. И спросить о местонахождении подруг у знакомых мы умеем.

Данила умолк, на недозволенной скорости вылетая на проспект из переулка.

Он выглядел уязвленным. Почему? Ася покосилась на майора Дорофеева. Непохоже было, чтобы он собирался в ресторан. Синие джинсы, черная футболка, кроссовки. Чего ради, скажите, она полдня собиралась? Он даже не заметил ее стараний. Ни слова не сказал, как она прекрасно выглядит.

– Что-то случилось, Данила?

– Нет, – коротко ответил он, не глянув в ее сторону. – Все в порядке.

– А ресторан? Мы идем?

– Забудь, – последовал резкий ответ. – Виталик Сушилин прав. С моей стороны было неприлично требовать от тебя свидания в обмен на услугу. Это непристойно, сказал он.

Ася промолчала, поглаживая подол легкого платья. Не то чтобы она расстроилась, нет. Легкое разочарование оттого, что старалась зря. Ну и, конечно, раздражение на Сушилина. Вот чего он снова лезет? Его-то какое дело? Советчик!

– А сейчас мы куда? – поинтересовалась она, не понимая, куда они едут на такой скорости – район был незнакомый.

– Навестим семью одной из девушек, с которыми прогуливался твой исчезнувший друг. Зовут ее Ира. Сама она улетела на отдых, ее тетка изъявила желание пообщаться.

Тетка Ирины – Анастасия Петровна Ярных – встретила их у ворот высокого забора, огораживающего двухэтажный особняк с узкими стрельчатыми окнами и кучей флюгеров на крыше. Высокая, полная, с милым улыбочивым лицом, легкая в движениях.

– Входите, входите, – широко распахнула она дверь в воротах. – Посидим в теньке, выпьем малинового морсу. Вы любите малиновый морс? Наверняка любите. Не встречала еще людей, которые не любили бы малиновый морс.

Она быстро передвигалась по выложенной булыжником узкой дорожке в сторону беседки, увитой клематисом. Длинное алое платье шлейфом волочилось за ней по булыжнику. В беседке она усадила их в плетеные кресла вокруг стеклянного стола. Из дома тут же принесли высокий графин с морсом и стаканы.

– Спасибо, Оля, – с легкой надменностью поблагодарила Анастасия Петровна прислугу. Оля исчезла за кустами можжевельника.

– Итак, я слушаю вас, молодые люди, – голова хозяйки повернулась в сторону Данилы. – Вы говорили по телефону о человеке, который будто бы пропал, или что-то в этом роде. Я правильно вас поняла?

– Не то чтобы он пропал, – с осторожной улыбкой начал Данила и взял в руки запотевший стакан с ледяным морсом. – Он давно не выходит на связь. Родственники волнуются.

– А кто бы не волновался! – возмутилась Анастасия Петровна. – Молодежь сейчас настолько безответственна! Если им хорошо, то и печали никакой. Ирина, правда, у нас другая. Она нас щадит. Буквально за каждый час отчитывается. Где, с кем, куда, насколько. Мы постоянно в курсе ее передвижений.

– «Мы» – это ее родители и вы? – влезла с вопросом Ася.

Она не притронулась к стакану – почему-то мерзла. И всякий раз, как Данила подносил стакан ко рту, у нее сводило зубы. Наверное, это нервное, решила она. Замерзнуть даже в легком платье она не могла. На улице было двадцать семь с плюсом.

– Мы – это я и ее отец. Мы воспитали Иришку после смерти ее матери – моей сестры, – с той же надменностью, с которой говорила с прислугой, ответила хозяйка дома Асе. – Она любит нас и щадит. Вот, к примеру, несколько дней назад, когда она приземлилась в аэропорту в Афинах, она трижды позвонила нам. Трижды за час!

– Какая молодец, – с кислой улыбкой похвалила Ася. – Чего не могу сказать о своем друге – Егоре. Он позвонил своему деду больше недели назад, сказал, что уезжает на отдых с любимой девушкой, и на этом все. Больше ни одного звонка или сообщения.

– Егор, Егор... – Анастасия Петровна закачала головой. – Не могу припомнить знакомых Ирины с подобным именем. И уж совершенно точно она не его любимая девушка.

Данила кивнул, соглашаясь. Достал телефон. Открыл фотогалерею и протянул телефон хозяйке.

– Взгляните, Анастасия Петровна, вы кого-нибудь узнаете на этих фотографиях?

Она внимательно посмотрела все, что ей показывал Данила, и удовлетворенно улыбнулась, протянув:

– Ну, теперь все понятно.

– Что именно? – Данила убрал телефон.

– Понятно, кто любимая девушка этого парня. – Палец Анастасии Петровны ткнул в сторону кармана Данилы, где исчез его телефон. – Та девушка, которую обнимает этот парень. Егор, я правильно понимаю?

Они закивали.

– Эта девушка не моя племянница. Это Светлана Иванова. Она подруга моей Иришки. Они давно дружат. На фото они на набережной, усаживаются в машину их третьей подруги – Валечки Фроловой. Она, к слову, тоже неделю назад улетела на отдых. Только не в Грецию, а куда-то еще. Не могу сказать, куда именно.

– А Светлана? Она тоже улетела? – спросила Ася.

– Ой, ну откуда же мне знать?! – возмутилась хозяйка.

Было заметно, что Ася ее раздражает.

– Просто о том, что Валентина улетела отдыхать, вы знаете. А про Светлану...

– Валентину мы встретили в аэропорту, девушка, – перебила Асю Анастасия Петровна и окинула ее ледяным взглядом. – Отсюда и знаю. А Светлана не встретила. И вопросов о ней я не задавала. Не интересовалась. И уж тем более не интересовалась ее парнями. Зачем?!

– Парнями? Вы хотите сказать, что у Светланы было много парней? – Ася изумленно выгнула брови. – Она была столь неразборчива?

Анастасия Петровна медленно поднялась. Ее милое полное лицо побагровело. И когда она заговорила, подбородок ее подрагивал.

– Послушайте, девушка, – начала она с низких октав. – То, что я согласилась с вами поговорить в отсутствие своей племянницы, есть не что иное, как акт доброй воли. Не более!

Ее крупный кулак с оттопыренным указательным пальцем заметался в полуметре от лица Аси. Голос набирал высоту.

– И я не позволю в собственном доме оскорблять подруг моей племянницы! Как бы я к ним ни относилась, я не позволю!

– А как вы к ним относитесь? – Ася неуверенно тронула губы улыбкой. – Есть что-то такое, о чем надо знать полиции? И это что-то вы скрываете?

Майор Дорофеев мысленно ахнул. Ася наггела за пределы. Они не имели права говорить с хозяйкой в таком ключе. Они, по сути, не имели права даже здесь находиться, а она имела право их не пускать.

Кажется, до Анастасии Петровны наконец дошло, что она совершила глупость, согласившись на беседу. Она вскинула руку в сторону ворот и коротко произнесла:

– Вон!

Данила сделал знак Асе следовать за ним. Она послушно поднялась с плетеного кресла, но шла нарочито медленно. Стук ее каблучков, казалось, никогда не стихнет.

Как только за гостями закрылась дверь, рука Анастасии Петровны нырнула в складки длинного платья и достала из глубокого кармана телефон.

Ирка ответила сразу:

– Ну что? Они были у тебя?

– Ох, были. – Анастасия Петровна схватилась за сердце, оседая в кресло. – Не надо было соглашаться на этот разговор. Ни к чему хорошему это не приведет. Зря я тебя послушалась, Ирка.

– Настюша, не ной, – захныкала племянница. – Все будет норм. Пришли, узнали, что мы не при делах, и ушли.

– Да? Ты так думаешь? Ты видела эту девчонку? Она же глазами меня ела! Они ни слову моему не поверили! Она не успокоилась и будет рыть. Она будет искать!

– Настюша! – прикрикнула на нее племянница. – Ну кого она будет искать, кого? Дружка своего голозадого? Пусть себе ищет.

- Сначала дружка. Потом и Свету.
- А она при чем?
- А при том, что ее тоже ищут!
- В трубке повисла пауза, нарушаемая дыханием Ирины. Она осторожно спросила:
- А кто ее ищет, Настюша?
- Игорь приезжал. Друг ее отца.
- И? Чего он переполошился, если она оставила записку?
- Откуда ты знаешь про записку? – остолбенела тетка.
- Она мне ее по телефону зачитывала. И деньги с ее карты мы вместе снимали. Светка попросила с ней съездить. Я и покаталась с ней. Запрещено?
- Ты мне не дерзи! – прикрикнула Анастасия Петровна, вытянула руку и подвигала стаканы с морсом. – Лучше скажи, мне уже начать волноваться?
- По поводу?
- По поводу бегства твоей подруги, визита полицейского и этой дерзкой девушки, – начала перечислять Анастасия Петровна. – И почему ты мне ничего не рассказала о той дикой сцене, которую вы втроем устроили в кофейне бабки Валечки Фроловой?
- Упс-с... – мякнула Ирина, помолчала, повздыхала и заныла: – Ничего там дикого не было. Мы просто пытались Светку вразумить. А она орать начала, что не наше дело и все такое. Как сама, так первая с советами лезет. А ей ничего сказать нельзя. И мы не скандалили, если чё. Это Светка орала как ненормальная. Нам вообще показалось, что она не в себе. Мы быстро расплатились и ушли.
- А уезжали как?
- Каждый сам по себе. Чуть по парку погуляли. Потом Валька на своей тачке укатила. Мы со Светкой такси поймали и поехали по своим адресам.
- А Света куда поехала? – не унималась Анастасия Петровна.
- Вот не знаю! – беззаботно фыркнула племянница. – Это надо таксиста спрашивать.
- То есть я могу сказать Игорю, чтобы он начал искать таксиста, который отвез по неизвестному адресу Свету?
- Да пусть себе ищет, мне-то что! – с легким смешком отозвалась Ирина и отключилась.

Глава 10

Ей требовалось время, чтобы привыкнуть. К тому, что она состарилась, сделалась рыхлой и малопривлекательной. К тому, что вот-вот еще немного – и он уйдет от нее. Просто устанет от ее тяжелых вздохов и тайных слез, от печальных взглядов и понимающего молчания.

Еще немного, и все случится. Он уйдет, а она останется совсем одна. К этому надо быть готовой, решила она, влезая в спортивный костюм. Надо научиться уговаривать себя каждое утро и каждый вечер. Это сложно, но у нее получится. Просто надо чуть больше времени. Не неделю и не месяц, хотя бы полгода.

Но он точно не был готов к шести месяцам, чтобы оттянуть свой уход. Он все чаще запирался в своей комнате и говорил с кем-то по телефону радостным сдавленным шепотом. Когда она сама пыталась поговорить с ним, он без конца смотрел на часы.

Ее время уходило. День за днем, час за часом. Он скоро уйдет от нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.